DOI: 10.53737/2713-2021.2026.12.51.004

Г.К. Кульмаганбетова, С.А. Ярыгин, С.К. Сакенов

НОВЫЕ СТАТУАРНЫЕ ПАМЯТНИКИ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ С ТЕРРИТОРИИ КОКШЕТАУСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ*

Статья посвящена исследованию каменных изваяний эпохи бронзы и раннего железного века Северного Казахстана. В научный оборот вводятся четыре ранее не опубликованных памятника, обнаруженные на могильниках Тажегул, Таулытас и Булак в Акмолинской области Республики Казахстан. Представлены археологический контекст находок и результаты их морфологического анализа. Рассмотрены результаты радиоуглеродного датирования статуарных объектов (происходящих из погребальных комплексов), которые позволили сопоставить данные сравнительно-исторического метода и абсолютной хронологии. Новые открытия увеличили известную серию таких объектов на территории Кокшетауской возвышенности до девятнадцати экземпляров. Их сопоставление с ранее известными находками позволило реконструировать хронотипологический ряд развития статуарной традиции региона от раннего бронзового века до гунно-сарматского периода. Полученные результаты расширяют представления об эволюции монументальной пластики Северного Казахстана.

Ключевые слова: Северный Казахстан, антропоморфные изваяния, статуарные памятники, ямная культура, бронзовый век, ранний железный век, погребальный обряд.

Сведения об авторах: Кульмаганбетова Гульназ Коныспаевна[1], докторант специальности «Археология и этнология», Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева; Ярыгин Сергей Александрович[2], PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; Сакенов Сергазы Кайырбекович[3], PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии имени А.Х. Маргулана.

Контактная информация: [1]010008, Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, 2, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева; [2,3]010000, Казахстан, г. Астана, ул. Абая, 22, Институт археологии имени А.Х. Маргулана; e-mail: [1]gulnaz_www@mail.ru, [1]sergeyyarygin80@gmail.com, [3]sergazi_82@mail.ru.

Gulnaz Kulmaganbetova, Sergey Yarygin, Sergazy Sakenov

NEW STATUARY MONUMENTS OF THE BRONZE AGE AND EARLY IRON AGE FROM THE KOKSHETAU UPLAND

This article examines Bronze Age and Early Iron Age stone statues from Northern Kazakhstan. It presents four previously unpublished monuments discovered at the Tazhegul, Taulytas, and Bulak burial grounds in the Akmola Region of the Republic of Kazakhstan. The archaeological contexts of the finds and the results of their morphological analysis are presented. The results of radiocarbon dating of the statuary objects recovered from funerary contexts are also discussed, allowing the findings obtained through the comparative-historical method to be compared with absolute chronological data. These new discoveries have increased the known corpus of such monuments from the Kokshetau Upland to nineteen examples. Comparison with previously recorded finds has made it possible to reconstruct the chronological and typological sequence of the regional statuary tradition, tracing its development from the Early Bronze Age to

* Статья подготовлена в рамках грантового финансирования Комитета науки МНВО РК 2025—2027 гг., ИРН проекта AP26103639.

Статья поступила в номер 17 июля 2026 г.
Принята к печати 31 июля 2026 г.

© Г.К. Кульмаганбетова, С.А. Ярыгин, С.К. Сакенов, 2026.

the Hunnic-Sarmatian period. The results expand current understanding of the evolution of monumental sculpture in Northern Kazakhstan.

Key words: Northern Kazakhstan, anthropomorphic statues, statuary monuments, Yamnaya culture, Bronze Age, Early Iron Age, burial rites.

About the authors: Gulnaz Kulmaganbetova[1], doctoral student in the specialty "Archaeology and Ethnology", L.N. Gumilyov Eurasian National University; Sergey Yarygin[2], PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology; Sergazy Sakenov[3], PhD, Leading Researcher, Margulan Institute of Archaeology.

Contact information: [1]010008, Kazakhstan, Astana, 2 Satpayev Street, L.N. Gumilyov Eurasian National University; [2,3]010000, Kazakhstan, Astana, 22 Abay Street, Margulan Institute of Archaeology; e-mail: [1]gulnaz_www@mail.ru, [2]sergeyyarygin80@gmail.com, [3]sergazi_82@mail.ru.

Введение

Каменные изваяния относятся к числу наиболее выразительных памятников монументального искусства древнего населения евразийских степей. Их изучение имеет принципиальное значение для реконструкции мировоззрения, погребально-поминальной обрядности, развития культовых практик и процессов формирования культурных традиций на протяжении длительного исторического периода.

Интерес к данной научной теме возник ещё во второй половине XIX — начале XX в., однако первоначально внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на наиболее выразительных антропоморфных изваяниях тюркского времени. Лишь позднее в научный оборот стали вводиться более ранние памятники эпохи бронзы и раннего железного века, обнаруженные как в составе погребальных сооружений, так и на культовых объектах. В результате накопления новых материалов стало очевидно, что традиция изготовления каменных антропоморфных изображений имеет значительно более глубокие корни. Вместе с тем её происхождение, эволюция и региональные особенности до сих пор остаются предметом научной дискуссии.

Одними из наиболее сложных вопросов являются определение хронологических этапов развития монументальной пластики, выявление генетических связей между памятниками различных эпох, реконструкция их первоначальных функций и семантики, а также установление роли отдельных регионов в распространении данной культурной традиции. Трудности обусловлены немногочисленностью достоверно задокументированных находок, отсутствием надёжного археологического контекста для значительной части известных изваяний, их вторичным использованием и высокой степенью разрушения поверхности, затрудняющей интерпретацию изображённых деталей. В связи с этим научно значимыми становятся памятники, которые сохраняют и передают аутентичную историко-культурную информацию о прошедших событиях и явлениях, в результате которых они возникли, происходят из хорошо исследованных археологических комплексов и сопровождаются надёжной стратиграфией и абсолютными датировками. Именно такие находки позволяют рассматривать каменные изваяния не как случайные произведения древнего искусства, а как составную часть погребально-поминальных комплексов, прослеживать особенности их использования в различных культурно-исторических общностях и реконструировать пути распространения традиции монументальной пластики на территории степной Евразии.

Территория Северного Казахстана до настоящего времени остаётся одним из наименее изученных районов распространения каменных статуарных — памятников (стел, изваяний), датирующихся эпохой бронзы и раннего железного века. До настоящего исследования в пределах Кокшетауской возвышенности зафиксировано двенадцать каменных статуарных памятников, связанных с археологическими объектами различных типов — мегалитическими сооружениями, ритуальными и погребальными комплексами. Две стелы выявлены на территории могильника Тажегул, три стелы — на могильнике Кызылтобе, две стелы и рельефное изображение — на

блоке в составе мегалитического комплекса Таскамал, одна — в погребении кургана Улькенсор, одна — у кургана могильника Кеноткель XXIX, три статуарных памятника — на могильнике Айдарлы, одна стела — в комплексе Шубартау у посёлка Балкашино, одна плита с тамгой — у могильника Карагайлы, одно изваяние — из музея города Степногорска (Абил и др. 2025; Ярыгин 2014; Ярыгин, Сакенов 2023; 2024; Yarygin et al. 2026) (рис. 1).

Данная работа посвящена публикации четырёх ранее неизвестных каменных изваяний, обнаруженных на территории Северного Казахстана. Два из них происходят из ограды № 2 могильника Тажегул и относятся к эпохе ранней бронзы, ещё одно выявлено в погребении кургана № 1 могильника Таулытас раннесакского времени, а четвёртое зафиксировано на поверхности кургана № 2 могильника Булак. С учётом новых находок количество известных каменных статуарных памятников Кокшетауской возвышенности достигло девятнадцати экземпляров: одиннадцать из них датируются эпохой бронзы, восемь относятся к раннему железному веку. Увеличение источниковой базы позволяет уточнить картину регионального развития статуарной традиции на территории Северного Казахстана.

Методы

Интерпретация полученных материалов основывалась на применении сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов исследования. Для уточнения абсолютной хронологии археологических комплексов выполнено радиоуглеродное датирование органических образцов. Основной образец был исследован методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в лаборатории Curt-Engelhorn Centre for Archaeometry (CEZA, Мангейм, Германия). Полученные радиоуглеродные определения откалиброваны по международной калибровочной кривой с использованием программного обеспечения OxCal. Результаты абсолютного датирования сопоставлялись со стратиграфическими наблюдениями, особенностями погребального обряда, конструкцией исследованных сооружений и данными сравнительно-исторического анализа, что позволило повысить достоверность культурно-хронологических реконструкций исследуемых памятников.

Археологические исследования проводились с использованием общепринятых методов полевой археологии, являющихся основой научного изучения объектов археологического наследия. Археологическая разведка осуществлялась в соответствии с современными методическими принципами научного обследования территорий и была направлена на выявление новых объектов археологического наследия, уточнение сведений о ранее известных памятниках, оценку степени их сохранности и получение актуальных пространственных данных. Подготовительному этапу предшествовал анализ опубликованных материалов по археологии исследуемого и сопредельных регионов, а также разработка маршрутов обследования с использованием картографических и спутниковых материалов. В ходе полевых исследований выполнялась непрерывная фиксация фактического маршрута движения, регистрация, описание и фотодокументирование всех выявленных археологических объектов. Пространственная привязка памятников выполнялась с использованием GPS-приёмника Garmin eTrex 10, после чего полученные координаты наносились на спутниковые карты и использовались при составлении археологической карты района исследований.

Раскопки сопровождались комплексным визуальным и инструментальным обследованием памятников, включавшим их топографическую, планиграфическую и стратиграфическую фиксацию. Перед началом работ исследуемые объекты размечались на сектора с оставлением бровок. Снятие курганных насыпей производилось вручную последовательными горизонтальными пластами мощностью до 10 см с обязательной фиксацией стратиграфической ситуации. Исследование проводилось по всей площади раскопов до уровня материкового грунта, что обеспечило полное изучение конструкции погребальных сооружений, их внутреннего устройства и связанных с ними археологических

комплексов. На всех этапах полевых работ выполнялась комплексная документация, включавшая инструментальные измерения, цифровую фотосъёмку, графическую фиксацию и составление полевых чертежей и масштабных зарисовок археологических сооружений. Дополнительно применялась аэрофотосъёмка с использованием беспилотного летательного аппарата DJI Mini 2, что позволило получить ортофотопланы высокого разрешения и детально зафиксировать пространственную структуру исследуемых объектов.

Регистрация каменных изваяний происходила с применением комплекса методов, охватывавших инструментальные обмеры, детальную фотофиксацию, графическую документацию и морфологический анализ. Для каждого памятника определялись основные метрические параметры, особенности профиля и поперечного сечения, фиксировались следы первичной обработки поверхности, степень сохранности, а также характер естественных и антропогенных повреждений. По результатам измерений выполнялись графические прорисовки фасов, профилей и поперечных сечений, что позволило наиболее полно отразить конструктивные особенности, технологические приёмы обработки и художественные характеристики исследуемых статуарных памятников.

Материалы

Два изваяния из ограды № 2 комплекса Тажегул

Археологический комплекс Тажегул расположен в Бурабайском районе Акмолинской области Республики Казахстан, в 1,5 км к юго-западу от посёлка Абылайхан (рис. 2: 1). Данный комплекс представляет собой многослойный и разновременный объект, включающий памятники различных эпох: могильник бронзового века с двумя этапами функционирования, поселение позднего бронзового века, традиционное казахское поселение Нового времени. Такая структура отражает длительную и, вероятно, циклическую эксплуатацию территории, обусловленную её ресурсным потенциалом и благоприятными природными условиями. Памятники локализуются в пределах узкой долины, вытянутой в направлении юго-запад — северо-восток и имеющей ступенчатый профиль понижения по тому же вектору. Территория ограничена двумя водными протоками при максимальной ширине около 0,7 км, её протяжённость достигает 2,7 км. Подобная конфигурация рельефа предопределяет локальную замкнутость ландшафта и формирует благоприятные условия для длительного и многократного освоения территории (рис. 2: 2).

Исследования памятника проводились в 2022, 2023 и 2025 гг. В ходе последнего полевого сезона раскоп был заложен в верхней части долины. Выбор участка определялся результатами работ 2023 г., когда под напластованиями казахского кыстау и жилища эпохи бронзы обнаружили каменную ограду. В 2023 г. на памятнике исследовано детское погребение, расположенное в пристройке к ограде. В 2025 г. полевая работа продолжилась: раскоп предыдущего сезона расширили, что позволило полностью зафиксировать ограду № 2, выявить остатки её конструкции и исследовать основное погребение (Auezov et al. 2025).

Судя по сохранившемуся участку ограды, её первоначальный диаметр составлял порядка 10 м. Она выложена из рваного камня из гранита и сланца в один ряд. Камни хорошо подобраны по размеру и плотными рядами уложены друг к другу. Во время разбора заполнения западной части внутреннего пространства ограды среди переотложенных камней надмогильной центральной выкладки, перемещенных в результате устройства жилища позднего бронзового века, было выявлено изваяние № 1 (рис. 3: 1).

Изваяние изготовлено из цельного трёхгранного блока серо-бурого крупнозернистого гранита, естественная форма которого использована в качестве основы при создании антропоморфного образа. Общая высота памятника составляет 56 см. Ширина передней плоскости изменяется от 5—6 см в верхней части до 30 см в центральной, после чего уменьшается до 6 см у основания. Максимальная ширина основания в профиль составляет

32 см (рис. 4: 1). При изготовлении памятника применялись выбивка, подтёска и локальная прошлифовка отдельных участков поверхности.

Передняя плоскость имеет удлинённую асимметричную каплевидную форму с выраженным сужением в верхней и нижней частях. Выделяются голова, тулово и основание. Общий силуэт вытянут по вертикальной оси. Верхняя часть оформлена в виде относительно узкой округло-заострённой головной зоны, плавно переходящей в расширяющуюся центральную часть. В средней части передняя плоскость достигает максимальной ширины, после чего постепенно сужается книзу, образуя вытянутое, слегка закруглённое основание. Боковые контуры асимметричны и различаются степенью выпуклости. Левая сторона имеет более плавный, равномерно изогнутый контур, расширяющийся книзу, тогда как по правому краю имеется характерное углубление, отделяющее головную часть от туловища. Переходы между отдельными зонами плавные. Нижняя часть постепенно переходит в вытянутое основание овально-прямоугольного сечения.

В профиль изваяние образует асимметричный вытянутый силуэт с заметным наклоном верхней части вперёд. Верхний край представляет собой длинную плавную линию, поднимающуюся от задней части к вершине без резких изломов. Вершина слегка закруглена и незначительно выступает вперёд. В верхней части передняя линия силуэта плавно снижается книзу. На границе верхней и средней частей заметен отчётливый уступ, образующий максимальный вынос профиля. Ниже уступа очертания резко переходят в почти вертикальную линию, сохраняющуюся до нижней трети памятника. В средней части прослеживается слабая выпуклость, после которой линия вновь становится прямой. Задний контур более плавный. От вершины он постепенно расширяется книзу, образуя широкую дугу и достигая максимального выноса в средней части, после чего практически отвесно опускается к основанию. Нижняя часть профиля массивная, с широким основанием и плавно скруглённым нижним краем.

На изваянии можно выделить несколько основных элементов, придающих ему антропоморфные черты: головной убор, голову, лицо, шею, грудную часть, хребет и плечо. Остальные части фигуры выражены значительно слабее и представлены лишь отдельными элементами, интерпретируемыми как рука, пояс и орудие (рис. 4: 2).

Высота головной части от макушки до шеи составляет около 21 см, ширина лицевой части достигает 15—17 см. Вершина обозначена уплощённой макушкой длиной 9 см, шириной 5—6 см. Головной убор выделен небольшим горизонтальным выступом («козырьком») на лицевой плоскости и подтёской одной из боковых граней, образующей незначительный уступ. Верхняя часть головы дополнительно выделена слабым уступом высотой 8 см и шириной 14 см. Козырёк выступает вперёд примерно на 1 см, образуя слегка заглублённую лицевую поверхность. От его краёв вниз до уровня шеи по обеим сторонам прослеживаются следы подтёски шириной 1,5—2,5 см, визуально отделяющие голову от туловища. В профиле от макушки силуэт плавно переходит в покатую затылочную часть длиной около 20 см.

Лицо моделировано минимальным набором деталей. В верхней части нанесены две округлые выбивки, интерпретируемые как глаза. Диаметр каждой составляет 1,2—1,5 см, глубина выбивки составляет примерно 0,2 см. Между ними посредством подтёски сформирован короткий прямоугольный выступ, обозначающий нос. Ниже прослеживается короткая дугообразная выбивка, передающая рот. Несмотря на сильное выветривание поверхности, взаимное расположение этих элементов формирует целостную лицевую композицию.

Шейно-грудная часть выделена несколькими приёмами обработки. На левой боковой грани ниже лица оформлена широкая подтреугольная выемка шириной около 6 см и глубиной до 1,5 см. Поверхность выемки тщательно заглажена. На противоположной боковой грани ей соответствует аналогичная, но менее выраженная подтреугольная выборка шириной порядка 3,5 см и глубиной приблизительно 1,0 см. Ширина фигуры от шеи до верхней границы грудной зоны составляет почти 21 см при высоте участка около 6 см.

В центральной части грудной зоны располагаются два округлых отверстия, выполненные сверлением. Диаметр наружного входного конуса каждого отверстия составляет 1,5 см, внутреннего канала сверления — 0,5 см. Расстояние между центрами отверстий достигает 6,5 см.

Ниже находится участок туловища высотой около 14 см. На его поверхности фиксируются две основные подтёсанные площадки: левая имеет размеры 3,5 × 4,0 см, отличается округлыми очертаниями и ограничена по верхнему и правому краям неглубоким кантом шириной 0,5 см при глубине до 0,2 см; правая площадка размерами 3,5 × 2,5 см выражена менее отчётливо.

Две широкие боковые плоскости сходятся к узкой тыльной грани, формируя выраженное продольное ребро. В профиле тыльная поверхность практически прямолинейна и имеет длину 26 см, образуя массивную вертикальную грань. На левой плоскости ниже головы подтёской сформирован хорошо выраженный плечевой выступ. Расстояние от макушки до его верхней точки составляет 23,5 см, максимальная ширина 5,0 см, протяжённость по вертикали — 12 см. Под шейной выемкой и слева от выступа располагается глубокий подтреугольный скол размерами 8 × 8 см при глубине до 2,5 см. Визуально плечевой выступ сопрягается с наклонной канавкой, расположенной на правой плоскости. Длина элемента составляет 28 см, ширина 3,5 см, глубина 1,0 см. Элемент имеет коническое сечение. Ближе к грани он дополнен дугообразной выбивкой шириной 1,0—1,5 см и глубиной 0,3 см, которая переходит в подтреугольную площадку на правой грани размерами 5 × 14 см.

По своим внешним признакам памятник относится к категории слабоантропоморфных каменных изваяний, в которых образ человека передан преимущественно общей конфигурацией природного каменного блока, а искусственная обработка ограничивается локальной моделировкой отдельных деталей поверхности.

Второе изваяние обнаружено в заполнении могильной ямы (рис. 3: 2). Контуры могильной ямы выявлены на глубине 0,85 м от 0 в центральной части каменной ограды, ниже уровня восточной стенки жилища позднего бронзового века. Общие размеры могильной ямы по верхнему контуру составили 2,3 × 1,9 м, глубина 1,8 м от современной дневной поверхности и 1,1 м от уровня материкового грунта.

Изваяние лежало в центральной части могильной ямы на глубине 0,7 м от уровня фиксации её верхнего контура. Оно находилось в горизонтальном положении в толще тёмного гумусированного заполнения, перекрывавшего основное погребение. Его более полновесная округлая часть была ориентирована на запад, тогда как заострённый, менее массивный конец, — на восток. Подобная позиция свидетельствует о намеренном размещении изваяния внутрь погребальной конструкции до окончательного заполнения могильной ямы.

Непосредственно под ним было расчищено основное захоронение взрослого индивида, находившегося в полусидячем положении. Погребальный инвентарь крайне немногочислен и представлен единственным изделием — обработанным куском кварцита. Характерной особенностью обряда является использование охры: её скопления зафиксированы на костях нижних конечностей, а также в виде отдельной подсыпки вдоль правой стороны скелета.

Изваяние изготовлено из уплощённой плиты красновато-бурого мелкозернистого песчаника, сохранившей естественную форму исходной заготовки. Общая высота составляет 75 см. По своему облику относится к группе плитовидных изваяний, в которых человеческий образ передан преимущественно общей конфигурацией каменного блока без специальной проработки деталей лица и тела. Во фронтальном сечении асимметричен. Правая сторона отличается более сложным очертанием с небольшим боковым уступом в верхней трети, тогда как левая образована в основном одной плавной непрерывной линией. Верхняя часть значительно шире нижней, вследствие чего общий силуэт приближается к вытянутой треугольно-трапециевидной форме с клиновидным нижним окончанием (рис. 5: 1, 3).

Максимальная ширина нижней части достигает 47 см, верхней — 36 см. Толщина плиты колеблется по высоте: в верхней части она составляет 10 см, в центральной увеличивается до 21 см, затем уменьшается до 7 см и в нижней части вновь возрастает до 12 см. Подобная изменчивость обусловлена естественной формой каменного блока. Ширина поперечного сечения в верхней части достигает 16 см. Одна из плоскостей сравнительно ровная, тогда как противоположная имеет выраженную выпуклость, формируя наиболее массивную часть памятника.

Верхняя часть плиты обработана посредством грубых сколов и оббивки. Основные сколы имеют размеры 2,0 × 3,0 см и 3,0 × 7,0 см. Их нанесение, наряду с последующей оббивкой верхнего края, придало верхней части памятника плавные округлые очертания, сгладив естественные выступы исходной заготовки.

На правой боковой плоскости прослеживается продольный скол длиной 12 см и шириной до 3 см. Образованный им уступ визуально выделяет верхнюю часть плиты. На противоположной боковой плоскости верхней части памятника зафиксированы следы инструментальной обработки в виде крупной округлой прошлифованной выбивки размерами 2,7 × 3,4 см. Углубление имеет хорошо выраженный входной конус, в центральной части которого отмечен цилиндрический канал сверления диаметром 1,6 см. Стенки входного конуса плавно сходятся к каналу, а поверхность обработки тщательно сглажена (рис. 5: 2). Слева от основной выбивки, вдоль естественной грани располагается серия из четырёх небольших углублений размерами 0,4—0,7 см, глубиной 0,2—0,4 см. Они ориентированы по длине природного раскола (трещины) породы. Контуры углублений неровные, а признаки целенаправленной обработки выражены слабо. Кроме того, вокруг центральной выбивки фиксируются отдельные мелкие выбоины неправильной формы.

Несмотря на отсутствие детально проработанных антропоморфных признаков, общая композиция памятника — расширенная верхняя часть, постепенное сужение книзу и вертикально ориентированная плита — формирует условный человеческий силуэт, что свидетельствует о целенаправленном отборе каменной плиты с необходимыми естественными очертаниями.

Изваяние из погребения в кургане № 1 могильника Таулытас

В 2025 г. были проведены археологические работы на выявленном в ходе разведки могильнике Таулытас. Памятник расположен к северу от села Сабардинка (забр.) и дороги Балкашино—Каменка, на плоской вершине сопки, к юго-востоку от покрытых лесом склонов хребта Сандыктау, в устье входа в широкую межгорную котловину Жаксы-Тукты (рис. 6: 1).

Могильник представлен комплексом погребальных и поминальных сооружений в виде округлых в плане каменных выкладок и каменно-земляных насыпей, а также различных верениц и площадок из колотого камня. Всего в комплексе выявлено порядка 24 объектов, однако их, возможно, больше, так как ввиду сильной задернованности некоторые артефакты могут быть незаметны (рис. 6: 2).

Самым крупным сооружением могильника является курган № 1, расположенный в северо-восточной части площадки, на наиболее возвышенном участке рельефа. Насыпь сложена из земли и камня, хорошо задернована. В плане курган имеет округлую форму диаметром около 10 м, в профиле — уплощённо-полусферическую. Максимальная высота насыпи достигает 0,7 м. К востоку от насыпи отходят две каменные гряды («усы»). Их ширина колеблется в пределах 0,2—0,4 м. Сохранившаяся визуально выявляемая длина южного «уса» составляет 24 м, длина северного «уса» — 60 м.

Курган № 1 заключён в раскоп диаметром 12 м. Стратиграфически насыпь представлена светло-коричневой супесью с включениями колотых гранитных камней, не образующих выраженной конструктивной системы. Каменный материал характеризуется сильно эродированными обломками гранита размерами до 0,5 × 0,4 × 0,3 м. После снятия дёрна установлено, что фактический диаметр каменно-земляной насыпи составляет около

8 м, тогда как её основание достигает 10 м. В профиле насыпь имеет уплощённую полусферическую форму с максимальной высотой около 0,75 м в центральной части. Мощность современного гумусированного горизонта изменяется от 3 см в западной части профиля до 7 см в восточной. В западной половине профиля зафиксирована линза переотложенной светло-коричневой супеси мощностью до 0,3 м, вероятно, связанная с более поздними нарушениями насыпи.

Могильная яма выявлена в центральной части подкурганного пространства. Она была вырублена в коренном скальном основании. Контуры ямы имеют овальную форму, а её дно неровное, повторяющее естественный рельеф скального массива. Общий уклон дна направлен с востока на запад, при этом перепад высот достигает 0,4 м. Погребение совершено по обряду кремации на стороне. На дне ямы обнаружены украшения, каменный жертвенник, керамический сосуд, металлическое изделие в виде колеса, интерпретируемое как амулет либо деталь веретена (рис. 7).

В центральной части могильной ямы на глубине 0,55 м, непосредственно под центральным скоплением мелких колотых камней и углей, найдено изваяние, лежавшее лицевой частью вверх. Материал изваяния — крупнозернистая порода, вероятно, песчаник. Цвет варьируется от красновато-коричневого до серого. Длина — 55,5 см, ширина — 32,0 см, толщина — 15,5 см (рис. 8: 1).

Объект имеет вытянутую, сужающуюся книзу форму, напоминающую неправильную трапецию с широкой верхней частью с асимметричным завершением и узким основанием. Характерное расширение в верхней трети имитирует линию плеч, а сужение книзу — стилизованную фигуру человека без детальной прорисовки конечностей. Верхняя часть изваяния имеет следы подтёски граней, оформлена в виде слабо выраженной головы, выделенной при помощи стёсывания. Контур головы лишь слегка выступает над основным массивом камня, не образуя резко выраженного рельефа. Переход от «туловища» к головной части плавный, без чёткой границы, что придаёт силуэту обобщённый и схематизированный характер.

Лицо образовано тремя небольшими искусственными углублениями. Они расположены таким образом, что создают схематичное изображение черт лица — два глаза́ и рот. Размеры отверстий: верхнее левое 1,3 × 1,4 см, глубина 0,8 см; верхнее правое 0,11 × 0,12 см, глубина 0,6 см; нижнее 1,5 × 1,7 см, глубина 1,5 см. Ещё две неглубокие каверны диаметром порядка 0,5 см и глубиной около 0,3 см расположены на одинаковом расстоянии справа и слева от рта. Пять выбивок диаметрами от 0,2 до 0,8 см, глубиной 0,2 см располагаются справа от одной из них и по диагонали снизу-вверх. Две небольшие выемки расположены в линию ближе к нижней части рта, а две вертикальные — между глазами. Часть стелы с лицом сильно заглажена. На изваянии видны следы пикетажа (точечной оббивки) и прошлифовки (рис. 8: 2).

Оборотная сторона более грубая, поверхность неровная, с естественными сколами. В профиле видна значительная толщина камня в верхней части, которая плавно сходит на нет к нижнему краю, образуя клиновидный профиль. Судя по его форме, изваяние могло быть предназначено для вертикальной установки в грунт.

Изваяние с кургана № 2 могильника Булак

В 2025 г. в ходе археологической разведки в 3 км к югу от села Ключевка, на правом берегу реки Саркырама, был выявлен могильник Булак, состоящий из трёх каменно-земляных курганов. Погребальные сооружения расположены нерегулярной цепочкой, ориентированной по линии запад—восток, на первой надпойменной террасе правого берега реки (рис. 9: 1). Комплекс занимает относительно ровный участок водораздельной поверхности, ограниченный с востока современной поймой Саркырамы, а с запада — распахиваемыми сельскохозяйственными угодьями. Курганы удалены от современного

русла на 40—150 м и размещены практически на одной гипсометрической отметке. Размеры насыпей последовательно уменьшаются от западного кургана к восточному, что может отражать особенности внутренней организации некрополя.

В настоящее время все курганы находятся в пределах длительно эксплуатируемого сельскохозяйственного массива и в течение продолжительного времени подвергались воздействию глубокой механизированной обработки почвы. В результате многолетней распашки первоначальные контуры насыпей существенно нарушены: курганы уплощены, приобрели вытянутые овальные очертания, а их высота значительно уменьшилась. На поверхности отдельных насыпей наблюдаются выходы каменного материала, являющегося остатками первоначальных конструкций (рис. 9: 2).

Курган № 1. Каменно-земляная насыпь овальной формы, ориентированная по линии восток—запад. Размеры составляют 25 × 18 м, высота — до 1,5 м. Это наиболее крупное сооружение могильника, расположенное в западной части цепочки. В центральной и восточной частях насыпи фиксируются следы разрушения в виде округлой западины диаметром около 5 м.

Курган № 2. Каменно-земляная насыпь округлой формы диаметром около 15 м, находящаяся в центральной части некрополя. Курган значительно повреждён распашкой, вследствие чего его первоначальные очертания частично утрачены. В западной части насыпи на поверхности отмечены крупные обломки рваного гранита, представляющие собой остатки каменной конструкции.

Курган № 3. Каменно-земляная насыпь овальной формы, ориентированная по линии восток—запад. Размеры составляют 18 × 11 м, высота — около 0,5 м. Курган расположен ближе всего к бровке поймы реки Саркырама и в наибольшей степени пострадал от длительной распашки. В западной части насыпи фиксируются пять обломков рваного гранита различных размеров.

В 2025 г. в ходе обследования могильника Булак на поверхности кургана № 2 было обнаружено каменное изваяние, находившееся вне первоначального положения вследствие длительного антропогенного воздействия. Анализ современного состояния памятника показал, что курган на протяжении продолжительного времени подвергался интенсивной сельскохозяйственной эксплуатации. Помимо регулярной распашки, непосредственно на насыпи периодически размещалась тяжёлая сельскохозяйственная техника, что приводило к дополнительной механической нагрузке, уплотнению грунта и дальнейшему разрушению как самой насыпи, так и находившихся на её поверхности каменных конструкций.

Учитывая неудовлетворительное состояние сохранности памятника, а также реальную угрозу дальнейшего разрушения и возможной утраты каменного изваяния, было принято решение о его спасательном изъятии из археологического контекста. После проведения необходимой полевой фотофиксации, инструментальных измерений и первичного описания изваяние транспортировано на постоянное хранение в районный историко-краеведческий музей города Балкашино.

Изваяние выполнено из монолитного блока крупнозернистого розового гранита. Общая высота памятника составляет 1,20—1,25 м, максимальная ширина 22—24 см, толщина 15—18 см. Поперечное сечение близко к прямоугольному со скруглёнными рёбрами. Нижний конец плавно сужается и заканчивается клиновидным заострением длиной 18—20 см, предназначенным для заглубления в грунт (рис. 10: 1).

Лицевая сторона обработана значительно тщательнее остальных поверхностей. В верхней части, на участке высотой около 22—25 см, размещено лицо. Его контур выделен невысоким рельефным валиком шириной 1,5—2,0 см. Под надбровным валиком располагаются две округлые неглубокие выемки диаметром 1,5—2,0 см, интерпретируемые как глаза. Расстояние между их центрами составляет приблизительно 5—6 см. В центральной части лица хорошо заметен участок скола размерами 3,0 × 4,0 см,

уничтоживший первоначальную моделировку носа. Судя по сохранившимся контурам, нос был передан в виде невысокого продольного рельефного выступа.

Ниже носовой части прослеживается изображение широких дугообразных усов, занимающих полосу шириной 9—10 см. Под ними расположен округлый рельефный элемент высотой 5—6 см, шириной 6—7 см, который может интерпретироваться либо как стилизованная борода, либо как гривна (шейное украшение); неутешительное состояние данного компонента не позволяет однозначно определить его первоначальное значение. Несмотря на неудовлетворительную сохранность поверхности, композиция лица читается достаточно уверенно. Сочетание овального контура, надбровного валика, глаз, носа (утраченного вследствие скола), усов и нижнего лицевого элемента свидетельствует о намеренном изображении человеческого лица.

Под лицевой композицией на передней поверхности памятника прослеживаются крайне слабо выраженные контуры верхней части фигуры. По обеим сторонам под лицом фиксируются едва заметные плавные линии, образующие покатые плечи, слегка вынесенные вперёд относительно основной плоскости изваяния. От плечевых участков вниз отходят две нечёткие, почти полностью сглаженные временем полосы рельефа, которые могут интерпретироваться как схематично переданные руки, прижатые к туловищу. Несколько ниже, примерно на уровне середины изваяния, просматривается горизонтальная дугообразная линия, пересекающая переднюю грань и, вероятно, обозначавшая пояс.

Сохранность этих элементов крайне неудовлетворительна вследствие интенсивного выветривания гранита, поэтому их контуры фиксируются лишь фрагментарно и слабо читаются преимущественно при изменении угла освещения. Тем не менее совокупность указанных признаков позволяет предполагать, что первоначальная композиция включала не только изображение лица, но и схематичную передачу верхней части человеческой фигуры с обозначением плечевого пояса, рук и пояса, что усиливает антропоморфный характер памятника. Ниже фиксируется слабое контурное изображение предмета длиной около 8—10 см, напоминающего чекан, клевец либо иной атрибут. Рельеф сильно сглажен, вследствие чего определить его тип с полной уверенностью невозможно (рис. 10: 2). В целом вся поверхность в области рук и пояса характеризуется интенсивным физическим выветриванием гранита, сопровождавшимся сглаживанием рельефа, частичным разрушением выступающих деталей и образованием многочисленных микросколов.

Характерной особенностью памятника является локальный выступ, расположенный на одной из боковых граней непосредственно ниже лицевой композиции, на уровне предполагаемого плечевого пояса. Выступ имеет полуовальную форму, выдаётся за пределы основного объёма монолита приблизительно на 4—6 см и прослеживается на протяжении около 12—15 см по вертикали. Его поверхность обработана совместно с основной плоскостью памятника и не имеет признаков случайного скола, что позволяет рассматривать данный элемент как часть первоначального замысла изготовителя. Наиболее вероятно, что выступ передавал рельеф плеча фигуры. Вместе с тем нельзя исключить и другую трактовку: выступ мог служить основанием для передачи горита с вложенным луком — характерного атрибута вооружения на скифских каменных изваяниях. Учитывая значительную степень выветривания гранита и отсутствие отчётливых контуров предмета, обе версии представляются допустимыми.

Обсуждение

Новые статуарные памятники дополняют имеющийся корпус источников по каменной монументальной пластике Северного Казахстана. Их изучение позволяет уточнить нижнюю хронологическую границу формирования статуарной традиции в регионе, расширить представления о её морфологическом разнообразии и типологической структуре, а также проследить разные приёмы изготовления и антропоморфизации каменных изваяний на

протяжении эпохи бронзы и раннего железного века. Особое значение имеют памятники, выявленные в стратифицированных погребальных комплексах, поскольку они обеспечены надёжным археологическим контекстом и радиоуглеродными датировками, что позволяет с большей точностью установить их место в системе ритуальных и погребально-поминальных практик древнего населения.

Для определения абсолютного возраста центрального погребения ограды № 2 могильника Тажегул выполнено радиоуглеродное датирование. Основной образец исследован методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в лаборатории Curt-Engelhorn Centre for Archaeometry (CEZA, Мангейм, Германия). Полученная радиоуглеродная дата позволяет датировать центральное погребение ограды № 2 концом IV — первой половиной III тыс. до н.э. (рис. 11).

Для проверки согласованности полученных результатов они сопоставлены с ранее опубликованными радиоуглеродными определениями детского погребения в пристройке к ограде № 2 и основного погребения, типологически и конструктивно близкого к ограде № 1. Анализы выполнены в лаборатории 14CHRONO Centre for Climate, the Environment and Chronology при Queen's University Belfast (Белфаст, Северная Ирландия, Великобритания). Медианные значения калиброванных дат составили 3212 г. до н.э. для основного погребения у ограды № 1 и 3093 г. до н.э. для детского погребения в пристройке к ограде № 2. Обоснованные выводы не противоречат друг другу и подтверждают датировку комплекса Тажегул ранним этапом эпохи бронзы.

Погребальный обряд, зафиксированный при исследовании ограды № 2 комплекса Тажегул, находит наиболее близкие аналогии среди раннебронзовых погребально-поминальных сооружений западной части Евразийской степи, прежде всего в пределах ареала формирования ямной культурно-исторической общности Северного Причерноморья. Основная область распространения подобных каменных кромлехов охватывает территорию от бассейна Южного Буга до Нижнего Поднепровья и правобережья Нижнего Дона. Наиболее схожие конструкции выявлены на памятниках Хапры (курган 8), Золотые Горки IV (курган 2), Орджоникидзе, группа «Чкаловская» (курган 3), Великая Александровка (курган 1), Садовое (курган 101) и на ряде других комплексов (Файферт, Солодовников 2025: 37—41; рис. 3, 5).

Согласно современным данным, известно около 400 стел. Они встречаются от Карпато-Балканского региона до Нижнего Подонья. Основная концентрация памятников приходится на Буго-Днестровское междуречье, где выявлено примерно 200 стел. Примечательно, что указанный ареал совпадает с областью распространения каменных кромлехов. Стелы и изваяния представлены как одиночными находками, так и сериями памятников. Более половины известных объектов обнаружено в составе погребальных комплексов ямной культурно-исторической общности, главным образом в перекрытиях погребений, что свидетельствует об их непосредственной связи с погребально-поминальной обрядностью населения раннего бронзового века.

Среди изваяний изредка встречается развитая моделировка лица и туловища (Байя (Хаманжия), Чобручи III, Утконосовка), однако большинство памятников представляют собой небольшие каменные изделия, изготовленные из плит, обломков или естественных блоков, форма которых лишь незначительно изменялась посредством подтёски. В результате антропоморфный образ создавался преимущественно за счёт общего силуэта, тогда как пластическая проработка деталей тела оставалась минимальной. Высота варьируется от 0,25 до 2,4—2,6 м, ширина — от 0,20 до 1,40 м. Для них характерен вытянутый вертикальный абрис с постепенным расширением в средней части и сужением к основанию. Они наглядно представлены находками из погребальных комплексов IV—III тыс. до н.э.: Катериновка I, Красное, Новоселицы, Олэнешть I—II, Марки III, Кетросу, Каушан, Семеновка, Молоты, Подгорное, Плавни, Томая и Сэрэтень (рис. 12).

Головная часть выражена далеко не у всех памятников. Как правило, она оформлена небольшим выступом, слабым закруглением верхнего края либо едва заметным расширением,

практически не нарушающим естественный контур каменного блока. Подобное решение характерно для стел ямной культуры из комплексов Катериновка I, Красное, Марки III, Новоселицы, Олэнешть I—II, Молоты, Томая и Сэрэтень. На стелах из ямных погребений Великодолинского, Порогов, Приднестрянского, Глубокого и Плавней головная часть практически не выделена и определяется лишь общим завершением изделия. Лицевая поверхность большинства стел сохраняет минимальную обработку. Даже при наличии антропоморфных признаков они ограничиваются несколькими элементами — глазами, носом и ртом, выполненными неглубокой выбивкой или слабым рельефом. Во многих случаях лицо отсутствует вовсе, а антропоморфность определяется исключительно общей формой каменного блока. Боковые и тыльные поверхности, как правило, практически не моделировались. Их обработка ограничивалась снятием острых граней и общей подтёской, вследствие чего поперечное сечение сохраняло естественную форму исходной заготовки. Во многих случаях мастера сознательно использовали природную морфологию камня, ограничиваясь локальной доработкой верхней части плиты. Таким образом, для большинства ямных статуарных памятников характерны небольшие размеры, лаконичная пластика, слабая антропоморфизация и минимальное вмешательство в естественную форму каменного блока. Наиболее распространены клиновидные, трапециевидные и плитовидные стелы со слабо выраженной или вовсе отсутствующей головной частью. Для изображения реалистических образов на стелах преимущественно использовались твёрдые породы камня — песчаник, гранит и гнейс, тогда как схематические, упрощённые статуи, передающие образ или идею с помощью минимального набора линий, каркаса, геометрических форм или условных знаков без детальной проработки анатомии, чаще выполнены из мягкого известняка-ракушечника (Дергачёв 2025: 240, 314; ил. 41: 4—7, 10, 41, 42, 51, 72; Бочкарёв 2025: 14, 15; рис. 1, 2; Robb 2009: 170; fig. 4).

Изваяния комплекса Тажегул полностью соответствуют данной традиции. Особенно близким к основной серии является изваяние № 2, практически повторяющее плитовидные и клиновидные формы стел из Катериновки, Красного, Новоселицы и Олэнешть (рис. 12: 6—13). Изваяние № 1 сохраняет те же конструктивные принципы — небольшие размеры, клиновидное основание, слабое выделение головы и минимальную обработку поверхности, однако отличается более сложной организацией верхней части памятника. При этом по своим морфологическим особенностям изваяние № 1 комплекса Тажегул наиболее близко к антропоморфным стелам I группы варианта В по классификации В.С. Бочкарёва, для которых характерно изображение лица при отсутствии развитой пластической передачи остальных элементов фигуры (Бочкарёв 2025: 14, 15; рис. 2) (рис. 12: 1—5).

Ближе всего к изваянию из Тажегула стоит стела из Капустино. Их объединяет единый принцип построения антропоморфного образа: относительно обособленная головная часть, выделенная главным образом изменением контура каменного блока и незначительной подтёской, а также минимальный набор антропоморфных признаков — глаза, нос и рот, выполненные неглубокой выбивкой или слабым рельефом без детальной пластической моделировки. Общим является и композиционное решение: основное внимание сосредоточено на верхней части памятника, тогда как туловище сохраняет естественную форму заготовки (рис. 12: 4).

Вместе с тем изваяние № 1 отличается рядом особенностей. Оно имеет выступающий козырькообразный головной убор, образующий самостоятельную лицевую площадку, а ниже лица прослеживаются шея, грудной отдел, две симметричные выбивки и композиция выбивок, вероятно, передающие руки с предметом и изображение топора. Дополнительной особенностью является моделировка боковых граней: одна из них оформлена в виде плечевого выступа и длинной диагональной борозды, переходящей в треугольную площадку. Близкого типа диагонально расположенная борозда имеется на стеле из Новоселицы (рис. 12: 11).

Третье изваяние обнаружено при исследовании погребения кургана № 1 могильника Таулытас. Для определения абсолютного возраста погребения были отобраны два образца,

исследованные методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS) в лаборатории Curt-Engelhorn Centre for Archaeometry (CEZA, Мангейм, Германия) (рис. 13).

Нижняя граница калиброванного возрастного интервала, достигающая середины VIII в. до н.э., может быть обусловлена влиянием резервуарного эффекта. Вместе с тем распределение вероятностей калиброванной даты позволяет датировать погребение в пределах VII—V вв. до н.э. Предлагаемая хронология согласуется с результатами сравнительно-типологического анализа сопутствующего инвентаря — бус, каменного колёсика, каменного жертвенника и керамического сосуда, находящих многочисленные аналогии в памятниках сакского и раннесарматского времени середины I тыс. до н.э.

Изваяние из погребения кургана № 1 могильника Таулытас относится к категории слабоантропоморфных стел-идолов (Ольховский 2005: 141, 268; ил. 139: 2). Наиболее близкие аналогии прослеживаются среди памятников раннего железного века Центрального Казахстана, Тургайского прогиба, Южного Приуралья и Устюрта.

Морфологическое сходство демонстрирует статуарный объект, обнаруженный на исследованной части подкурганной площадки кургана № 2 могильника Кызылжартас. Согласно характеристике исследователей, оно выполнено из серого гранита и имеет грубо моделированную антропоморфную форму. Следы обработки сосредоточены преимущественно в верхней части памятника: выделена головная часть, сглажена правая боковая грань, основание скошено. Черты лица переданы предельно лаконично: глаза обозначены прямоугольными углублениями, тогда как нос, рот и уши отсутствуют. Курган № 2 могильника Кызылжартас датируется второй половиной IV—II в. до н.э. (Бейсенов, Шашенов 2024: 114—138).

Близкие признаки показывает другое каменное изваяние из Центрального Казахстана, обнаруженное в урочище Аумаган. Для памятника характерны округлая моделировка головы, уплощённая лицевая поверхность и минимальный набор деталей: глаза обозначены небольшими углублениями, тогда как нос, рот и уши отсутствуют. Лицо выделено неглубоким желобком, отделяющим его от тулова (Бейсенов 2021: 33—41). Сходная манера оформления лица в виде трёх округлых элементов отмечена на изваянии с правого берега реки Темир (Жанааркинский район Карагандинской области). Округлые глаза и овальный, косо и несимметрично расположенный рот переданы углублениями. Прослеживаются очертания нижней части геометризированного носа (Ермоленко и др. 2015: рис. 1).

По степени схематизации изваяние из кургана могильника Таулытас можно сравнить с памятником, найденным при исследовании кургана с «усами» в могильнике Ашутасты-2 округа города Аркалык, Костанайская область). Изваяние располагалось у начала южной каменной гряды в лежачем положении и имело размеры 84 × 14 × 26 см. Наиболее тщательно оформлена головная часть; нос и глаза переданы неглубокими желобками, уши выделены слабой моделировкой. По приведённым авторами аналогиям памятник датируется VI—V вв. до н.э. (Базарбаева, Джумабекова 2017: рис. 1: 1; Джумабекова, Базарбаева 2022).

Похожие типы статуарных объектов известны в поволжско-южноуральской группе изваяний раннего железного века и единично прослеживаются вплоть до Устирта (Устюрта). Эта немногочисленная группа представлена антропоморфными столбами, плитами и блоками, отличающимися предельным лаконизмом пластического решения. Единственным устойчивым элементом является схематично переданное человеческое лицо. Как правило, памятники выполнены из прямоугольных известняковых блоков с подтёсанной головной частью и имеют небольшую высоту (0,39—0,67 м). Значение имеет и археологический контекст находок: некоторые обнаружены непосредственно в составе погребальных сооружений: кургана № 23 могильника Покровка 2 (середина IV в. до н. э.), курганов № 1 и 4 могильника Наурзум IV (конец V — начало IV в. до н.э.), кургана № 1 могильника Жанабаз (V в. до н.э.). Похожий тип встретился в составе святилища Аюк на Устирте (IV—III вв. до н.э.). Наиболее поздним памятником данной серии является изваяние из погребения кургана № 5 могильника Сапибулак, датируемое II в. до н.э. (Гуцалов, Таиров 2000; Мамедов, Китов 2015).

Таким образом, статуарный объект, обнаруженный в ходе исследования кургана № 1 могильника Таулытас, входит в круг памятников раннего железного века, получивших распространение среди различных культурных групп кочевого населения сакского и сарматского времени. Его отличительными особенностями являются предельно лаконичная моделировка человеческого образа, отсутствие предметных атрибутов и использование минимального набора изобразительных приёмов.

Изваяние с кургана № 2 могильника Булак по совокупности морфологических признаков и особенностей пластического решения уверенно относится к кругу памятников раннего железного века. Наиболее близкие аналогии прослеживаются среди монументов раннего железного века Центрального Казахстана (Ермоленко, Курманкулов 2012; Бейсенов, Ермоленко 2014). Несмотря на индивидуальность каждого известного памятника, для данной серии характерен ряд устойчивых и повторяющихся иконографических приёмов, позволяющих объединить их в единую типологическую группу. К их числу относятся изображение плеч, развёрнутых вперёд («накладные» плечи), передача согнутых в локтях рук, условная трактовка лица с выделением основных антропоморфных элементов, а также схематичное обозначение отдельных предметных атрибутов (Ермоленко, Курманкулов 2011).

Наиболее близкой по совокупности признаков представляется находка, происходящая с реки Аксу в окрестностях города Степногорска. Памятник изготовлен из гранитного блока прямоугольной формы высотой около 0,9 м и шириной основания 0,25 м. Помимо характерной передачи плечевого пояса и согнутых рук, значительное сходство наблюдается в оформлении лицевой части. Лицо имеет подовальную форму, нижний контур которого выделен невысоким рельефным валиком, продолжающимся на боковые грани и слабо прослеживающимся на тыльной стороне. Аналогичный приём использован и на объекте из могильника Булак. По своему положению и конфигурации данный элемент, вероятнее всего, передаёт гривну, хотя не исключена его интерпретация как стилизованной бороды.

Сходство проявляется и в трактовке остальных деталей лица. В верхней части степногорского изваяния показан прямоугольный нос, рельеф которого усилен подтёской поверхности вдоль его боковых граней; над ним проходит прямая линия надбровных валиков, под которой расположены округлые углубления глаз. В нижней части лица рельефно обозначены дугообразные усы и горизонтальный валик рта. Ниже прослеживается полоса пояса, под которой косой подтёской сформирован (ближе к правому боку) подпрямоугольный выступ, интерпретируемый исследователями как изображение кинжала (Ярыгин 2014). Сходство со степногорским памятником не по отдельным деталям, а по целому комплексу иконографических и конструктивных признаков позволяет рассматривать оба памятника как изделия, выполненные в рамках единой художественной традиции сакской каменной пластики Северного Казахстана.

Хронологическое распределение каменных статуарных памятников Кокшетауской возвышенности говорит о том, что данная традиция имеет неравномерный характер развития. В ней выделяется несколько последовательных этапов, связанных с разными культурными образованиями, которые сменяли друг друга на протяжении нескольких тысячелетий (рис. 14). В настоящее время серия с территории Кокшетауской возвышенности включает девятнадцать памятников, тринадцать из которых имеют относительно надёжное хронологическое положение, тогда как для шести объектов (№ 3—6, 10, 11) датировка остаётся дискуссионной вследствие отсутствия достоверного археологического контекста.

Наиболее ранний этап представлен двумя объектами из ограды № 2 могильника Тажегул (№ 1, 2), надёжно датируемые концом IV — первой половиной III тыс. до н.э. Вероятно, к этому же времени относятся стела из кромлеха могильника Тажегул (№ 3), две каменные стелы (№ 4, 5), рельефное изображение быка на гранитном блоке (№ 6) из мегалитического комплекса Таскамал, предварительно датированного от IV—III тыс. до н.э. (Ярыгин, Сакенов 2023) (рис. 14: 1—6). Синхронизация объектов монументальной пластики могильника Тажегул с мегалитическим комплексом Таскамал, расположенным в пределах

единого природно-ландшафтного района, даёт возможность говорить о существовании уже в раннем бронзовом веке локальной традиции данного типа искусства, объединявшей различные по функциональному назначению сакральные объекты. Одновременное использование разных по детализации антропоморфных и зооморфных изображений отражает сложную структуру ритуальной практики населения региона. Кроме того, они расширяют представления о каменной пластике населения Северного Казахстана в обозначенный период, ранее известной по уникальным статуэткам типа «тобольского мыслителя» (Ibrayeva et al. 2025: fig. 1).

Следующий этап относится к позднему бронзовому веку и представлен стелой из ограды могильника Кеноткель XXIX (№ 7), стелой из погребения кургана с каменным ящиком могильника Кызылтобе (№ 8), стелой из ограды № 23 могильника Кызылтобе (№ 9). Вероятно, к этому же времени относятся стела из каменной выкладки могильника Тажегул (№ 10) и плита у Кабаньего ключа (№ 11), однако отсутствие надёжного археологического контекста пока не позволяет окончательно определить возраст последних двух объектов (рис. 14: 7—11).

Сакский этап представлен следующими четырьмя памятниками: из Степногорска (№ 12); с поверхности кургана № 2 могильника Булак (№ 13); из погребения кургана № 1 могильника Таулытас (№ 14); стела из погребения кургана Улькенсор (№ 15). Несмотря на различия в археологическом контексте, все они отражают дальнейшее развитие статуарной традиции. Для памятников того времени характерно сохранение в погребальной практике стел и появление изваяний с более выраженной моделировкой головы и отдельных черт лица (рис. 14: 12—15).

Заключительный этап связан с гунно-сарматским периодом на рубеже эр. К нему относятся три статуарных памятника могильника Айдарлы (№ 16—18), на одном из которых имеется тамгообразный знак. К этому же времени относится и плита с тамгой, обнаруженная вблизи могильника Карагайлы (№ 19) (рис. 14: 16—19) (Сакенов и др. 2019: 378—384; Yarygin et al. 2026: 14—31). На этом этапе вновь идёт упрощение форм и специальных символов, что отражает включение каменной монументальной пластики в систему новых идеологических представлений кочевников сарматского происхождения.

Выводы

Источниковую базу дополняют материалы четырёх новых памятников. Два из них имеют надёжный археологический контекст и либо абсолютную, либо обоснованную относительную датировку благодаря их обнаружению непосредственно в составе погребальных комплексов изваяния № 2 из ограды № 2 могильника Тажегул, относящегося к эпохе ранней бронзы, и погребения кургана № 1 могильника Таулытас сакского времени. Датировка ещё двух памятников (изваяние № 1 из каменного выкида внутри ограды № 2 могильника Тажегул; изваяние № 3 с поверхности кургана № 2 могильника Булак) основана на совокупности археологических и морфологических данных, а также на их связи с соответствующими археологическими объектами.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что ранний этап развития каменной монументальной пластики Северного Казахстана относится к концу IV — первой половине III тыс. до н.э. Это расширяет имеющиеся представления о времени возникновения статуарной традиции в Северном Казахстане и позволяет связывать её становление с процессами расселения ранних скотоводов и металлургов ямной культурно-исторической общности. Новые материалы раннего железного века показывают, что регион в сакское время входил в ареал изваяний с лицевыми или полуфигурными изображениями разных типов. Данный факт отражает развитие локальных традиций, сформировавшихся в среде скотоводческих объединений разного происхождения при сохранении отдельных, общих для степной Евразии принципов монументального изображения человека.

Результаты проведённого исследования подтверждают перспективность дальнейшего поиска, выявления и атрибуции статуарных памятников на территории Кокшетауской возвышенности. Накопленные материалы позволяют заключить, что развитие каменной пластики региона определялось как последовательной эволюцией отдельных морфологических форм, так и трансформацией художественных приёмов и ритуальных практик, сопровождавшей смену культурно-исторических общностей на различных этапах эпохи бронзы и раннего железного века. Полученные данные позволяют рассматривать Кокшетаускую возвышенность как один из важных регионов формирования и развития статуарной традиции степной Евразии, материалы которой имеют важное значение для реконструкции межрегиональных культурных связей и сравнительного изучения древней каменной пластики.

Литература

Абил и др. 2025: Абил Е., Ярыгин С., Сакенов С., Абдрахманов К. 2025. Скала с рельефным изображением лица и стела с петроглифом в горах Сандыктау (Северный Казахстан). *Археология евразийских степей* 6, 307—321.

Базарбаева Г.А., Джумабекова Г.С. 2017. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая. *Самарский научный вестник* 6 (2), 117—121.

Бейсенов А.З. 2018. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века. *Археологія і давня історія України* 2 (27), 386—396.

Бейсенов А.З. 2021. Тасмолинское каменное изваяние в урочище Аумаган, Центральный Казахстан. *Уфимский археологический вестник* 1, Т. 21, 33—41.

Бейсенов А.З., Ермоленко Л.Н. 2014. Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки. *Вестник Кемеровского государственного университета* 3 (59), Т. 3, 34—40.

Бейсенов А.З., Шашенов Д.Т. 2024. Курган позднесакского времени в могильнике Кызылжартас (Центральный Казахстан). *МАИАСП* 17, 114—138

Бочкарёв В.С. 2025. О семантике каменных антропоморфных стел эпохи раннего металла Северного Причерноморья и Крыма. В: Кашуба М.Т., Власов В.П., Кулькова М.А. (отв. ред.). *Монументальность и монументальная скульптура эпохи палеометалла и раннего железного века: К 100-летию находки стелы из Бахчи-Эли в Крыму*. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 13—32.

Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д. 2000. Стелы и антропоморфные изваяния раннего железного века Южноуральских степей. В: Ольховский В.С. (отв. ред.). *Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии: Сборник статей*. Москва: ГЕОС, 226—251.

Дергачёв В.А. 2025. *Ямная культура Карпато-Подунавья*. Т. 2. *Погребальный обряд, типология инвентаря, периодизация и датировка; Воспоминания*. Кишинэу: Stratum plus.

Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. 2022. «Солнечные» курганы Ашутасты: историческая память в Степи (по результатам радиокарбонного анализа). *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)* 3 (17), 43—73.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. 2011. Оригинальное изваяние из фондов Карагандинского историко-краеведческого музея. В: Ермоленко Л.Н. (отв. ред.). *Археология Южной Сибири. К 80-летию Я.А. Шера*. Вып. 25. Кемерово: РИО КемГУ, 156—161.

Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К. 2012. Новое изваяние раннего железного века из Сары-Арки. *Археология, этнография и антропология Евразии* 4 (52), 86—94.

Ермоленко и др. 2015: Ермоленко Л.Н., Курманкулов Ж.К., Касенова А.Д. 2015. Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи. *Вестник Кемеровского государственного университета* 1 (61). Т. 3, 26—32.

Мамедов А.М., Китов Е.П. 2015. Погребальный обряд ранних кочевников Верхнего Илека (по материалам могильника Сапибулак). *Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук* 6, 19—60.

Ольховский В.С. 2005. *Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа*. Москва: Наука.

Сакенов и др. 2019: Сакенов С.К., Свиридов А.Н., Ярыгин С.А. 2019. Погребение рубежа эр на могильнике Айдарлы. *Маргулановские чтения—2019 (Марғұлан оқулары)*, 378—384.

Файферт А.В., Солодовников К.Н. 2025. Сила традиции против времени и пространства на краю степного мира: взгляд с запада на происхождение афанасьевской археологической культуры. *Stratum plus* 2, 35—61.

Ярыгин С.А. 2014. Функциональное назначение бронзового ножа из погребения кургана 1 могильника Шагалалы IV и одна этнографическая черта тасмолинских племен. В: Самашев З. (отв. ред.). *Всадники Великой степи: традиции и новации: Труды ФИА*. Астана, 279—289.

Ярыгин С.А., Сакенов С.К. 2023. Рельефный гранитный блок из мегалитического комплекса Таскамал в Бурабае. *Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия»* 3 (111), 207—218.

Ярыгин С.А., Сакенов С.К. 2024. Каменные стелы и плиты в культовой практике населения Северного Казахстана II—I тыс. до н.э. *МАИАСП* 17, 77—99.

Auezov et al. 2025: Auezov K., Yarygin S., Sakenov S., Kulmagambetova G. 2025. Chronology and cultural affiliation of the early burials of the Tazhegul burial ground. *Gumilyov Journal of History* 153 (4), 27—44.

Robb J. 2009. People of Stone: Stelae, Personhood, and Society in Prehistoric Europe. *Journal of Archaeological Method and Theory* 16 (2), 162—183.

Ibrayeva et al. 2015: Ibrayeva A., Temirkhanova A., Zhunussov K. 2025. Representing Kazakhstan's historical and cultural heritage in historical retrospective: A case study of an exhibition project. *Turkic Studies Journal* 7 (3), 53—75.

Yarygin et al. 2026: Yarygin S., Sakenov S., Ganiyeva A. 2026. Nomads of Zerendy and Sandyktau at the Turn of Eras (Northern Kazakhstan). *Journal of Ancient History and Archaeology* 13 (1), 14—31.

References

Abil et al. 2025: Abil, E., Yarygin, S., Sakenov, S., Abdrahmanov, K. 2025. In *Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 307—321 (in Russian).

Bazarbayeva, G.A., Jumabekova, G.S. 2017. In *Samarskii nauchnyi vestnik* (*Samara Journal of Science*) 6 (2 (19)), 117—121 (in Russian).

Beisenov, A.Z. 2018. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukrainy (Archaeology and Early History of Ukraine)* 2 (27), 386—396 (in Russian).

Beisenov A., 2021. In *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 21 (1), 33—41 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Ermolenko, L.N. 2014. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)* 3 (59), Vol. 3, 34—40 (in Russian).

Beisenov, A.Z., Shashenov, D.T. 2024. In*Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 17, 114—138 (in Russian).

Bochkarev, V.S. 2025. In: Kashuba, M.T. et al (eds.). *Monumentalnost i monumentalnaya skulptura epokhi paleometalla i rannego zheleznogo veka: k 100-letiyu otkrytiya Bakhchi-Elinskoi stely v Krymu* (*Monumentality and monumental sculpture of the Palaeometal and Early Iron Age: to the 100th anniversary of the discovery of the Bakhchi-Eli stela in Crimea*). St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University, 13—32 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu., Tairov, A.D. 2000. In: Olkhovsky, V.S. (ed.). *Arkheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (Archaeology, palaeoecology and palaeodemography of Eurasia)*. Moscow: GEOS, 226—251 (in Russian).

Dergachev, V.A. 2025. *Yamnaya kultura Karpato-Podunav'ya. T. 2. Pogrebalnyi obryad, tipologiya inventarya, periodizatsiya i datirovka; Vospominaniya (The Yamnaya culture of the Carpathian-Danube region. Vol. 2. Burial rite, typology of grave goods, periodization and dating; Memoirs)*. Chisinau: Stratum plus (in Russian).

Jumabekova, G.S., Bazarbayeva, G.A. 2022. In *Kazakstan arheologiasy (Kazakhstan Archeology)* 3 (17), 43—73 (in Russian).

Ermolenko, L.N., Kurmankulov, Zh.K. 2011. In: Ermolenko, L.N. (ed.). *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri (Archaeology of Southern Siberia)*. Iss. 25. Kemerovo: Kemerovo State University, 156—161 (in Russian).

Ermolenko, L.N., Kurmankulov, Zh.K. 2012. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (*Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* 4 (52), 86—94 (in Russian).

Ermolenko et al. 2015: Ermolenko, L.N., Kurmankulov, Zh.K., Kassenova, A.D. 2015. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)* 1 (61). Vol. 3, 26—32 (in Russian).

Mamedov, A.M., Kitov, E.P. 2015. In *Izvestiya Natsionalnoi akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk (News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences and Humanities Series)* 6, 19—60 (in Russian).

Olkhovskii, V.S. 2005. *Monumentalnaya skulptura naseleniya zapadnoi chasti evraziiskikh stepei epokhi rannego zheleza (Monumental sculpture of the population of the western Eurasian steppes in the Early Iron Age)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Sakenov et al. 2019: Sakenov, S.K., Sviridov, A.N., Yarygin, S.A. 2019. In *Margulan oqulary—2019 (Margulan Readings)*, 378—384 (in Russian).

Faifert, A.V., Solodovnikov, K.N. 2025. In *Stratum plus* 2, 35—61 (in Russian).

Yarygin, S.A. 2014. In: Samashev, Z. (ed.). *Vsadniki Velikoi stepi: traditsii i novatsii: Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana (Horsemen of the Great Steppe: traditions and innovations: Proceedings of the Astana Branch of the Margulan Institute of Archaeology*). Astana, 279—289 (in Russian).

Yarygin, S.A., Sakenov, S.K. 2023. In *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filosofiya" (Bulletin of Karaganda University. History. Philosophy Series)* 3 (111), 207—218 (in Russian).

Yarygin, S.A., Sakenov, S.K. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 17, 77—99 (in Russian).

Auezov et al. 2025: Auezov, K., Yarygin, S., Sakenov, S., Kulmagambetova, G. 2025. In *Gumilyov Journal of History* 153 (4), 27—44.

Robb, J. 2009. In *Journal of Archaeological Method and Theory* 16 (2), 162—183.

Ibrayeva et al. 2025: Ibrayeva, A., Temirkhanova, A., Zhunussov, K. 2025. In *Turkic Studies Journal* 7 (3), 53—75.

Yarygin et al. 2026: Yarygin, S., Sakenov, S., Ganiyeva, A. 2026. In *Journal of Ancient History and Archaeology* 13 (1), 14—31.

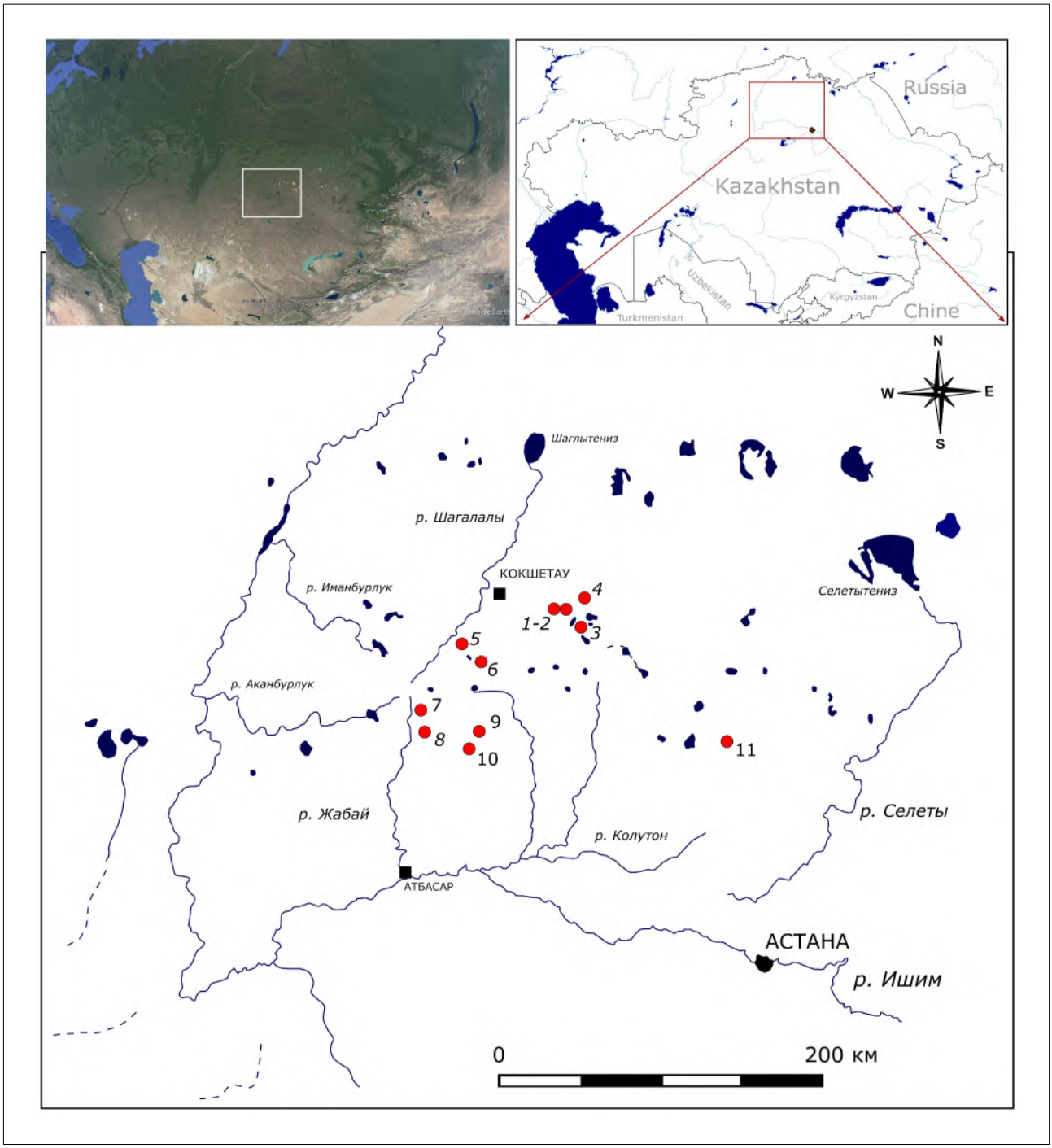

Рис. 1. Статуарные памятники на территории Кокшетауской возвышенности: *1* — Тажегул; *2* — Кызылтобе; *3* — Таскамал; *4* — Улькенсор; *5* — Кеноткель XXIX; *6* — Айдарлы; *7* — Шубартау; *8* — Таулытас; *9* — Карагайлы; *10* — Булак; *11* — Степногорск.

Fig. 1. Statuary monuments of the Kokshetau Upland: *1* — Tazhegul; *2* — Kyzyltobe; *3* — Taskamal; *4* — Ulkensor; *5* — Kenotkel XXIX; *6* — Aidarly; *7* — Shubartau; *8* — Taulytas; *9* — Karagaily; *10* — Bulak; *11* — Stepnogorsk.

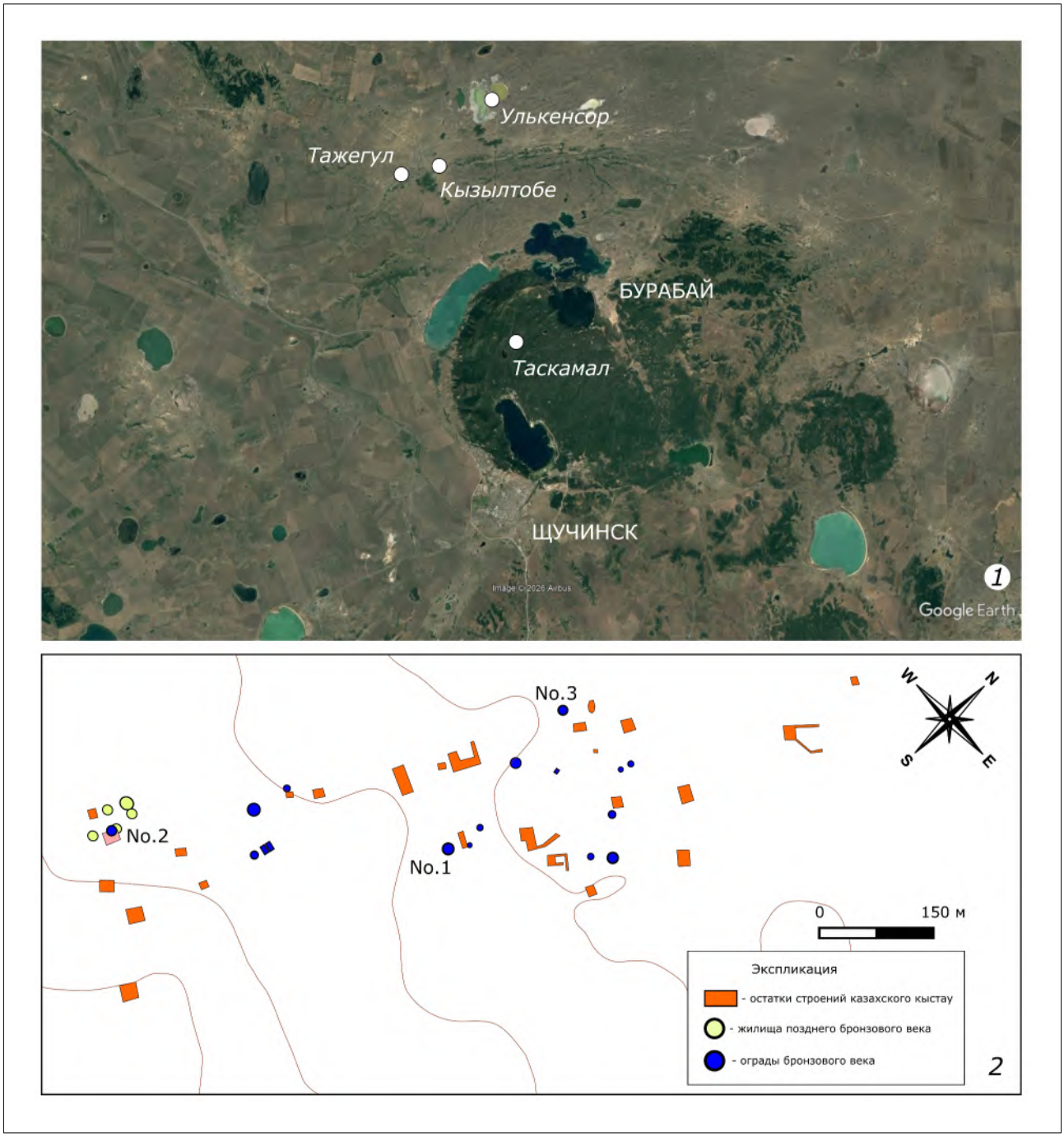

Рис. 2. Памятники с объектами монументальной пластики в Бурабае: *1* — археологические памятники со статуарными объектами в окрестностях Бурабая (по данным Google Earth); *2* — план комплекса Тажегул.

Fig. 2. Sites with monumental sculptures in the Burabay area: *1* — archaeological sites with statuary objects in the vicinity of Burabay (based on Google Earth imagery); *2* — plan of the Tazhegul complex.

Рис. 3. Комплекса Тажегул. Контекст обнаружения изваяний № 1 и 2 в ограде № 2: *1* — положение изваяния № 1 в скоплении переотложенных камней ограды; *2* — положение изваяния № 2 в заполнении могильной ямы.

Fig. 3. Tazhegul complex. Context of the discovery of stone statues Nos. 1 and 2 in Enclosure No. 2: *1* — position of stone statue No. 1 within a concentration of redeposited stones from the enclosure; *2* — position of stone statue No. 2 in the fill of the burial pit.

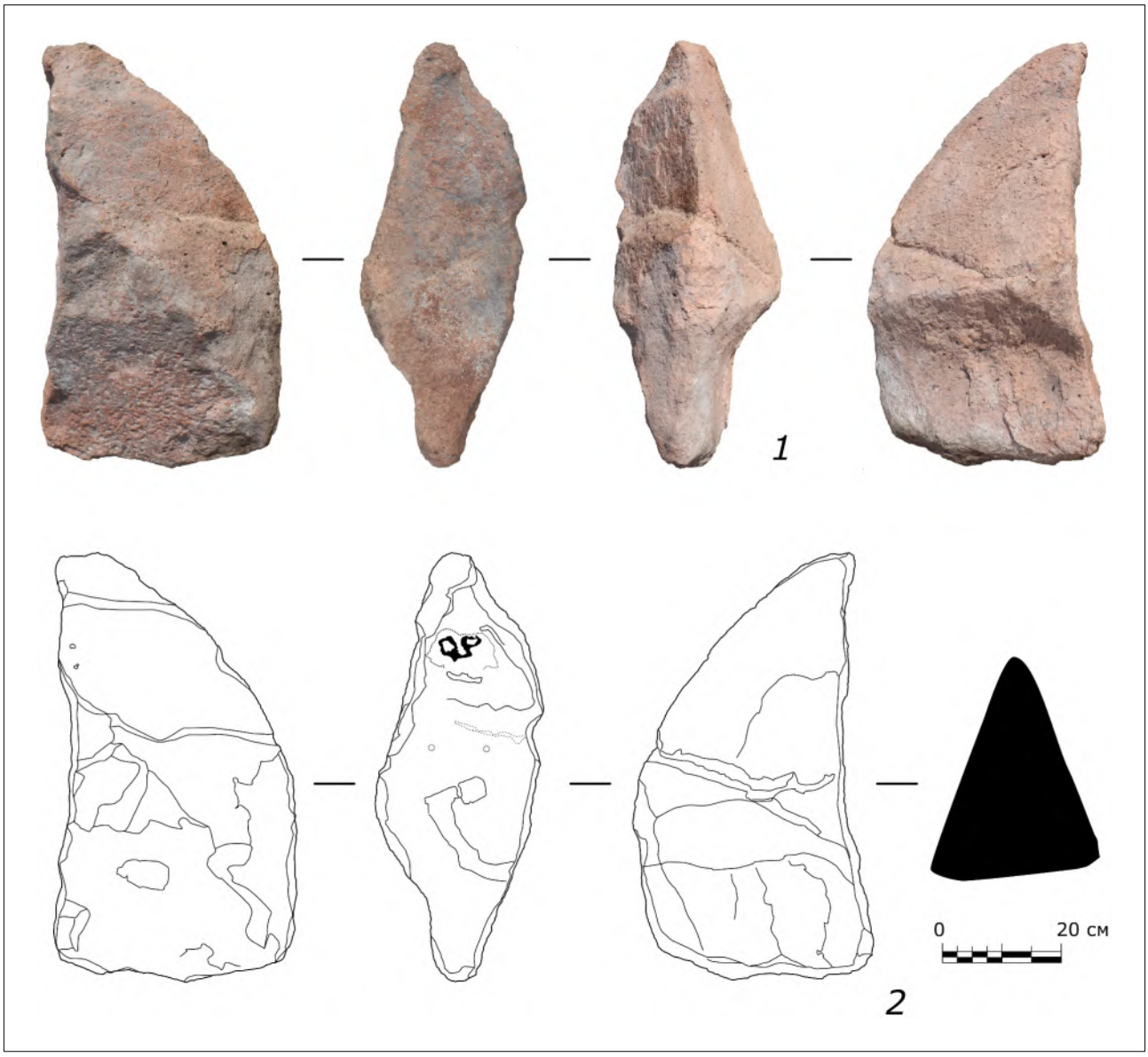

Рис. 4. Комплекс Тажегул, ограда № 2, изваяние № 1: *1* — фотографии (слева направо): левый профиль, фас, тыльная сторона, правый профиль; *2* — графические прорисовки: левый профиль, фас, правый профиль и поперечное сечение.

Fig. 4. Tazhegul complex, Enclosure No. 2, stone statue No. 1: *1* — photographs (from left to right): left profile, front view, rear view, right profile; *2* — line drawings: left profile, front view, right profile, and cross-section.

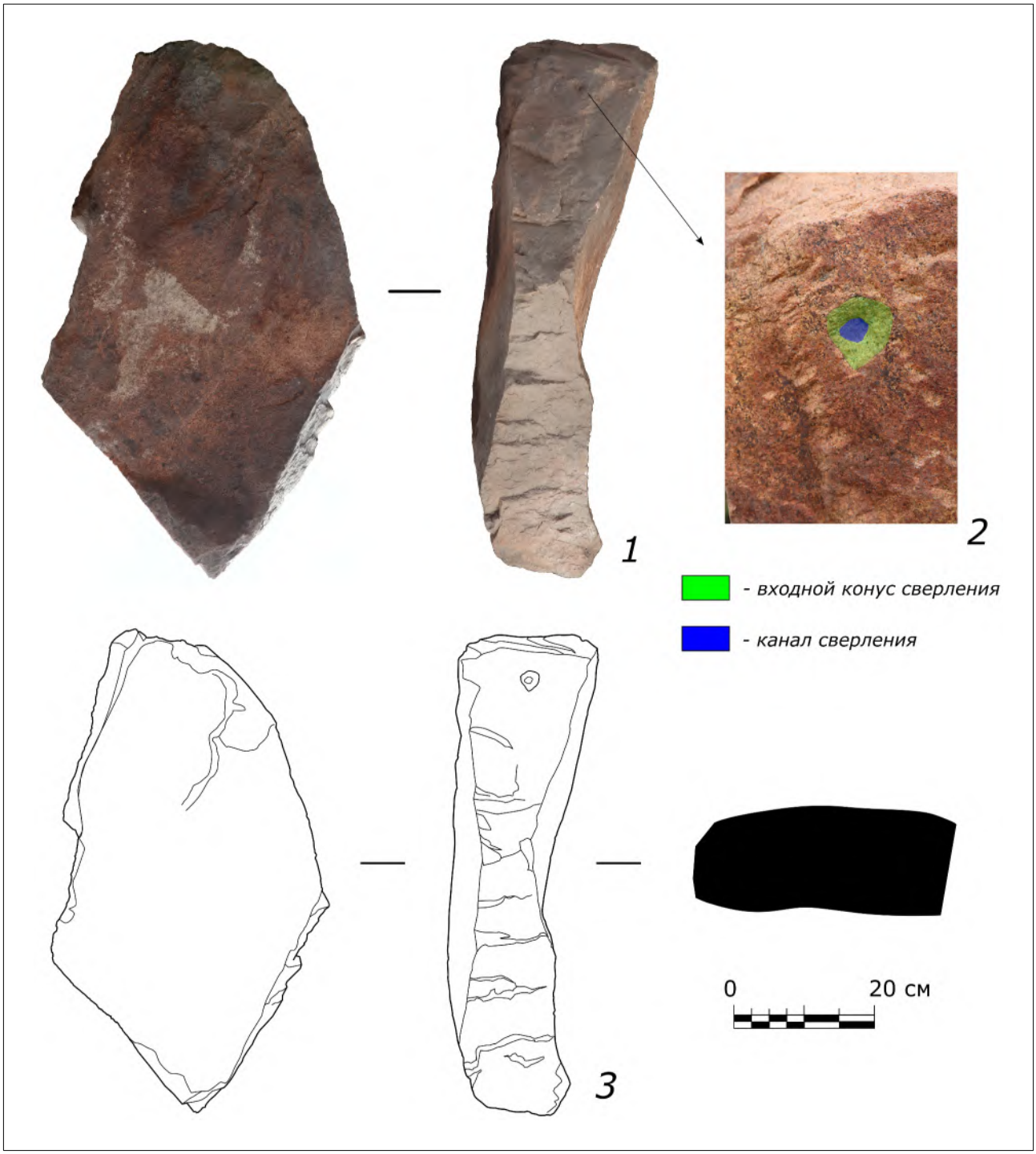

Рис. 5. Комплекс Тажегул, ограда № 2, изваяние № 2: *1* — фото изваяния; *2* — рисунок изваяния с поперечным сечением.

Fig. 5. Tazhegul complex, Enclosure No. 2, stone statue No. 2: *1* — photograph of the stone statue; *2* — line drawing of the stone statue with a cross-section.

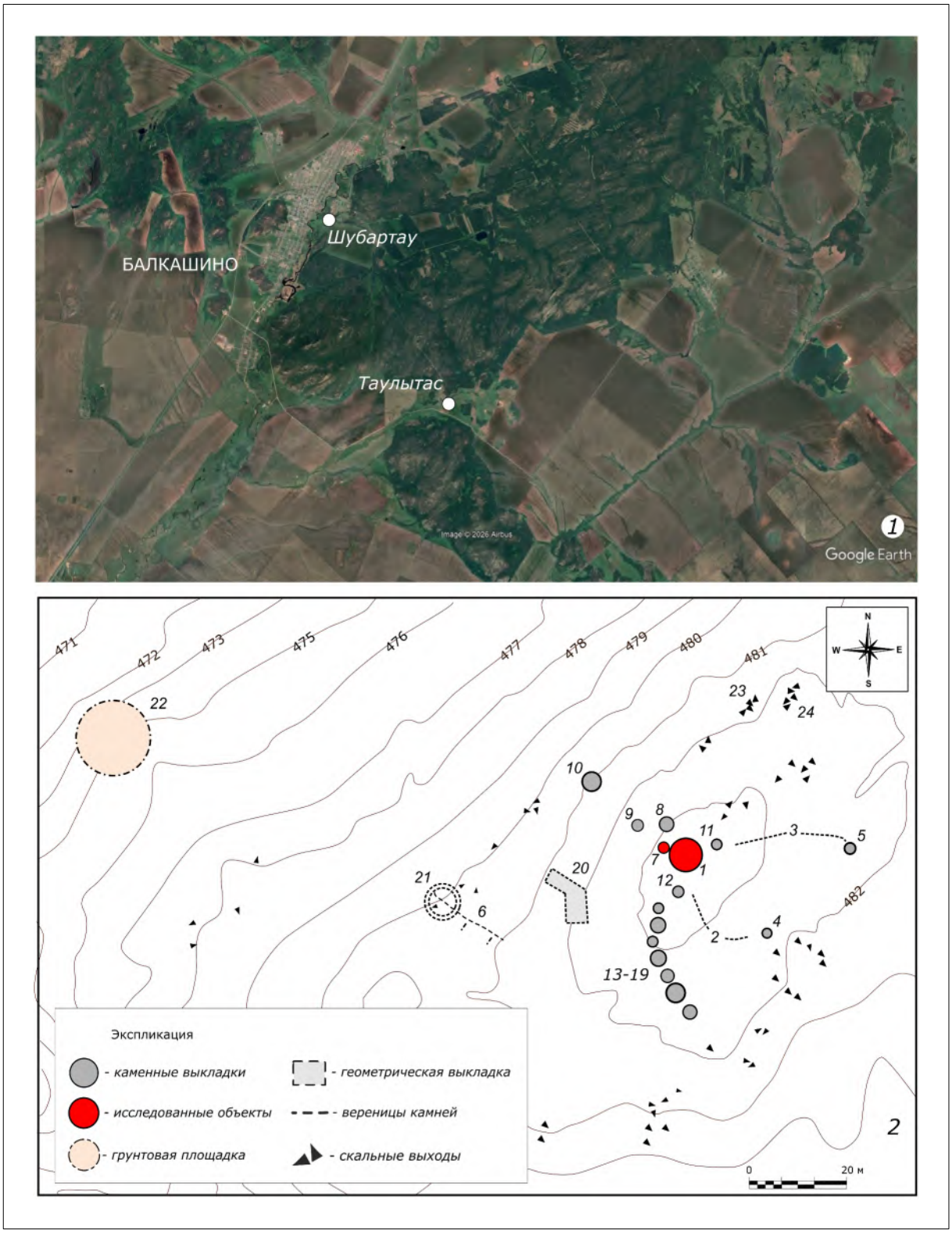

Рис. 6. Памятники с объектами монументальной пластики в районе посёлка Балкашино: *1* — местонахождение могильника Таулытас и комплекса Шубартау (по данным Google Earth); *2* — план могильника Таулытас.

Fig. 6. Sites with monumental sculptures in the vicinity of Balkashino village: *1* — locations of the Taulytas burial ground and the Shubartau complex (based on Google Earth imagery); *2* — plan of the Taulytas burial ground.

Рис. 7. Могильник Таулытас. План расположения находок в могильной яме кургана № 1: *1* — антропоморфное изваяние; *2* — металлическое колёсико; *3* — керамический сосуд; *4* — каменный жертвенник; *5* — бусы и бисер.

Fig. 7. Taulytas burial ground. Plan showing the locations of finds in the burial pit of Kurgan No. 1: *1* — anthropomorphic stone statue; *2* — metal wheel-shaped object; *3* — ceramic vessel; *4* — stone altar; *5* — beads and seed beads.

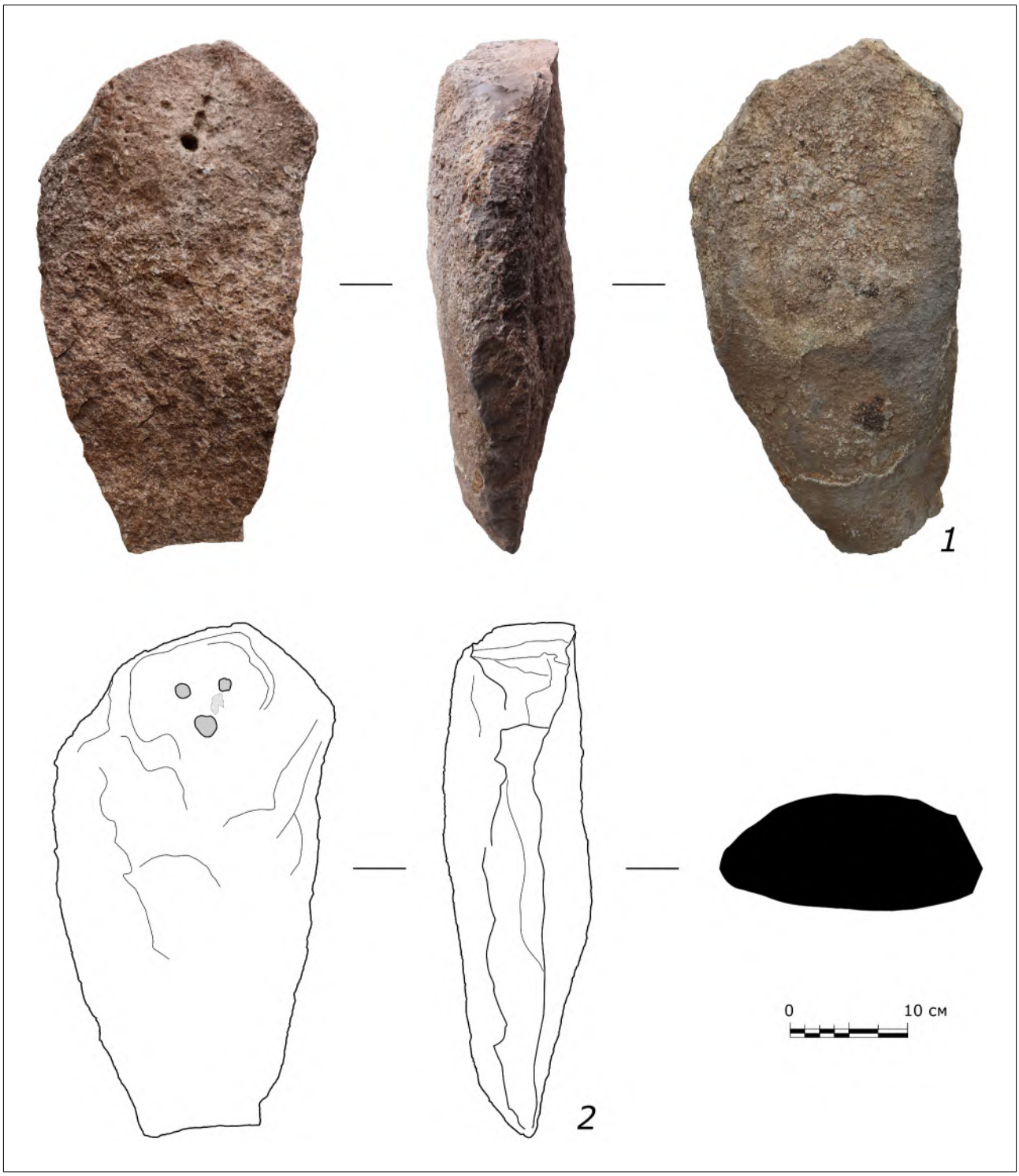

Рис. 8. Могильник Таулытас, курган № 1. Изваяние из могильной ямы: *1* — фотографии (слева направо): фас, правый профиль, тыльная сторона; *2* — графические прорисовки: фас, правый профиль и поперечное сечение.

Fig. 8. Taulytas burial ground, Kurgan No. 1. Stone statue from the burial pit: *1* — photographs (from left to right): front view, right profile, rear view; *2* — line drawings: front view, right profile, and cross-section.

Рис. 9. Памятники с объектами монументальной пластики в районе посёлка Каменка: *1* — местоположения могильников Булак и Карагайлы (по данным Google Earth); *2* — панорамный снимок с квадрокоптера (вид с запада).

Fig. 9. Sites with monumental sculptures in the vicinity of Kamenka village: *1* — locations of the Bulak and Karagaily burial grounds (based on Google Earth imagery); *2* — panoramic drone photograph (view from the west).

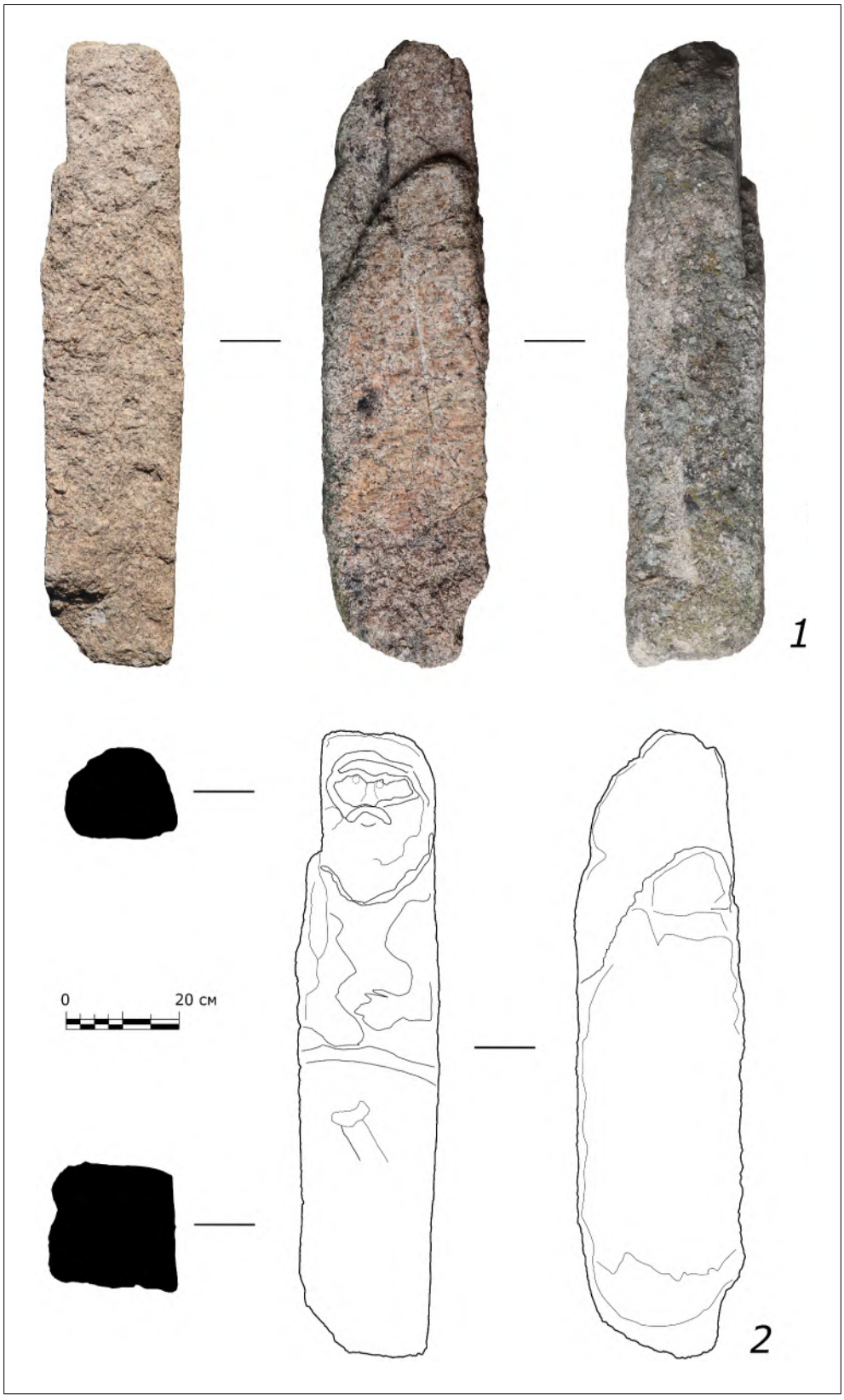

Рис. 10. Могильник Булак. Изваяние: *1* — фотографии (слева направо): фас, правый профиль, тыльная сторона; *2* — графические прорисовки: поперечное сечение, фас и правый профиль.

Fig. 10. Bulak burial ground. Stone statue: *1* — photographs (from left to right): front view, right profile, rear view; *2* — line drawings: cross-section, front view, and right profile.

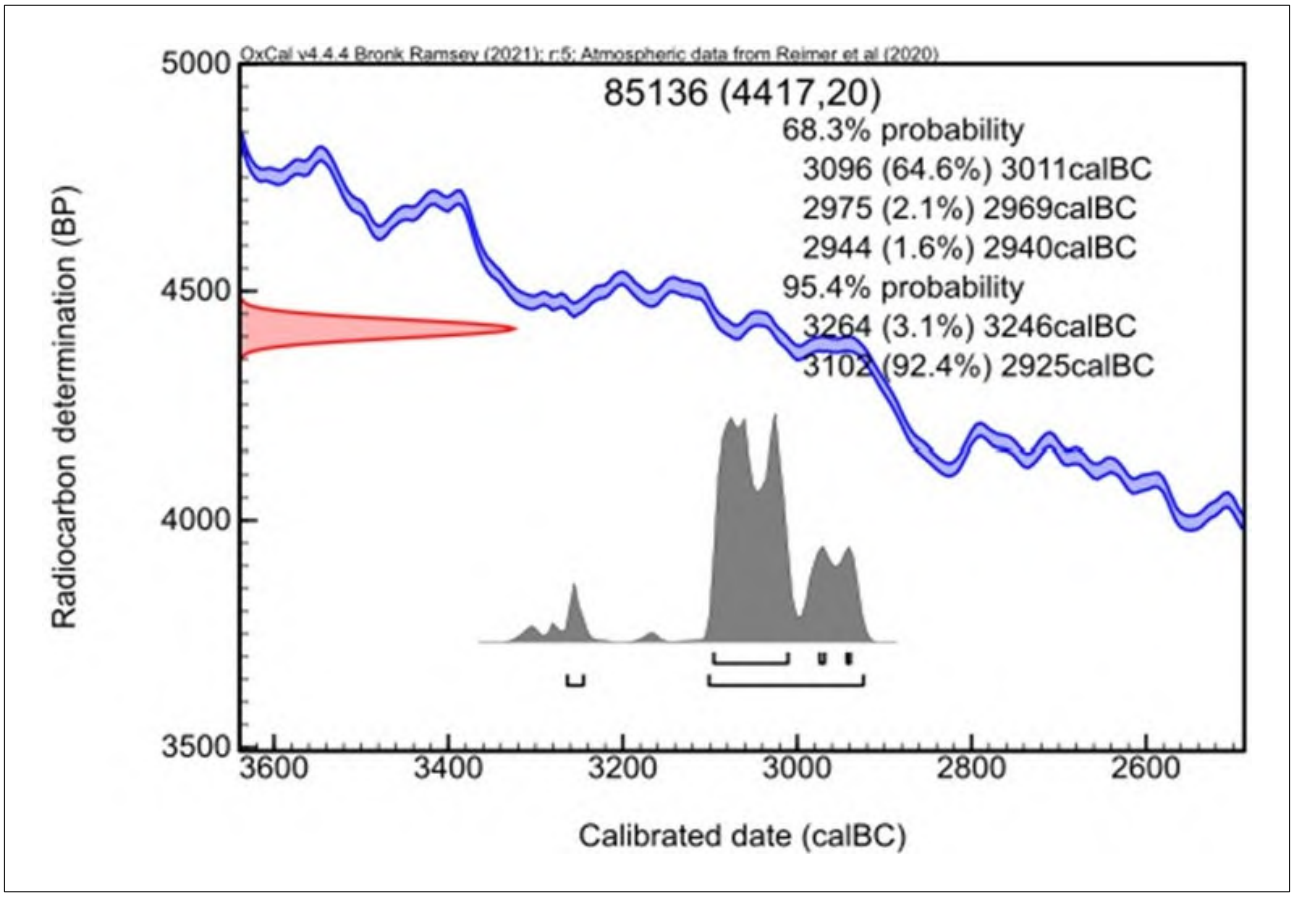

Рис. 11. Результаты радиоуглеродного датирования центрального погребения ограды № 2 комплекса Тажегул.

Fig. 11. Radiocarbon dating results for the central burial of Enclosure No. 2 at the Tazhegul complex.

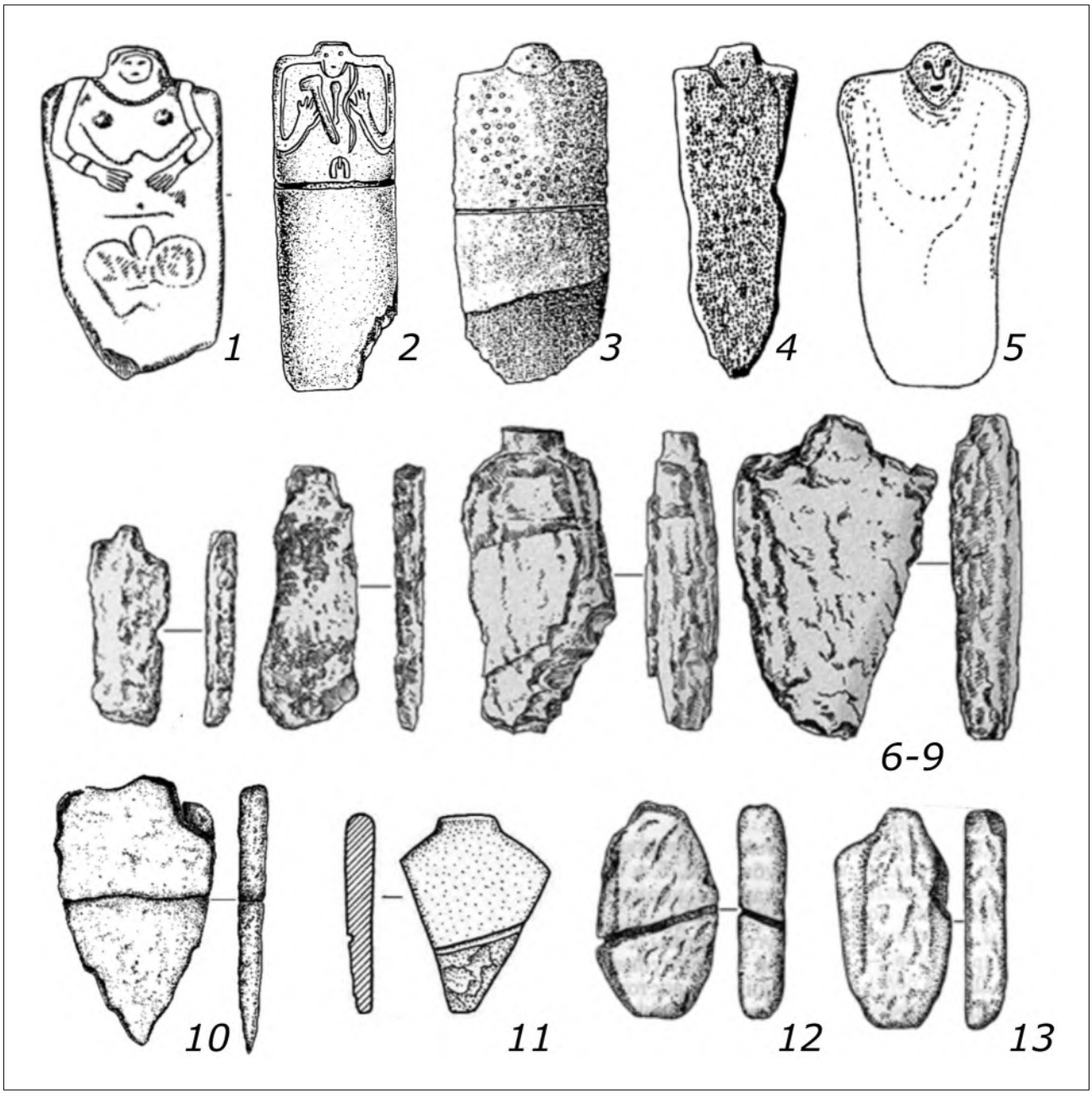

Рис. 12. Антропоморфные стелы ямной культурно-исторической общности: *1* — Байя (культура Хаманжия); *2* — Натальевка; *3* — Утконосовка; *4* — Старогорожино; *5* — Капустино; *6—9* — Катериновка 1; *10* — Красное; *11* — Новоселица; *12, 13* — Олэнешть I. Источники: 1, 6—13 — по Дергачёв 2025; 2 — по Robb 2009; 3—5 — по Бочкарёв 2025.

Fig. 12. Anthropomorphic stelae of the Yamnaya cultural-historical community: *1* — Baia (Hamangia culture); *2* — Natalievka; *3* — Utkonosovka; *4* — Starogorozhino; *5* — Kapustino; *6—9* — Katerinovka 1; 10 — Krasnoye; 11 — Novoselitsa; 12, 13 — Olenești I. Sources: 1, 6—13 — after Dergachev 2025; 2 — after Robb 2009; 3—5 — after Bochkarev 2025.

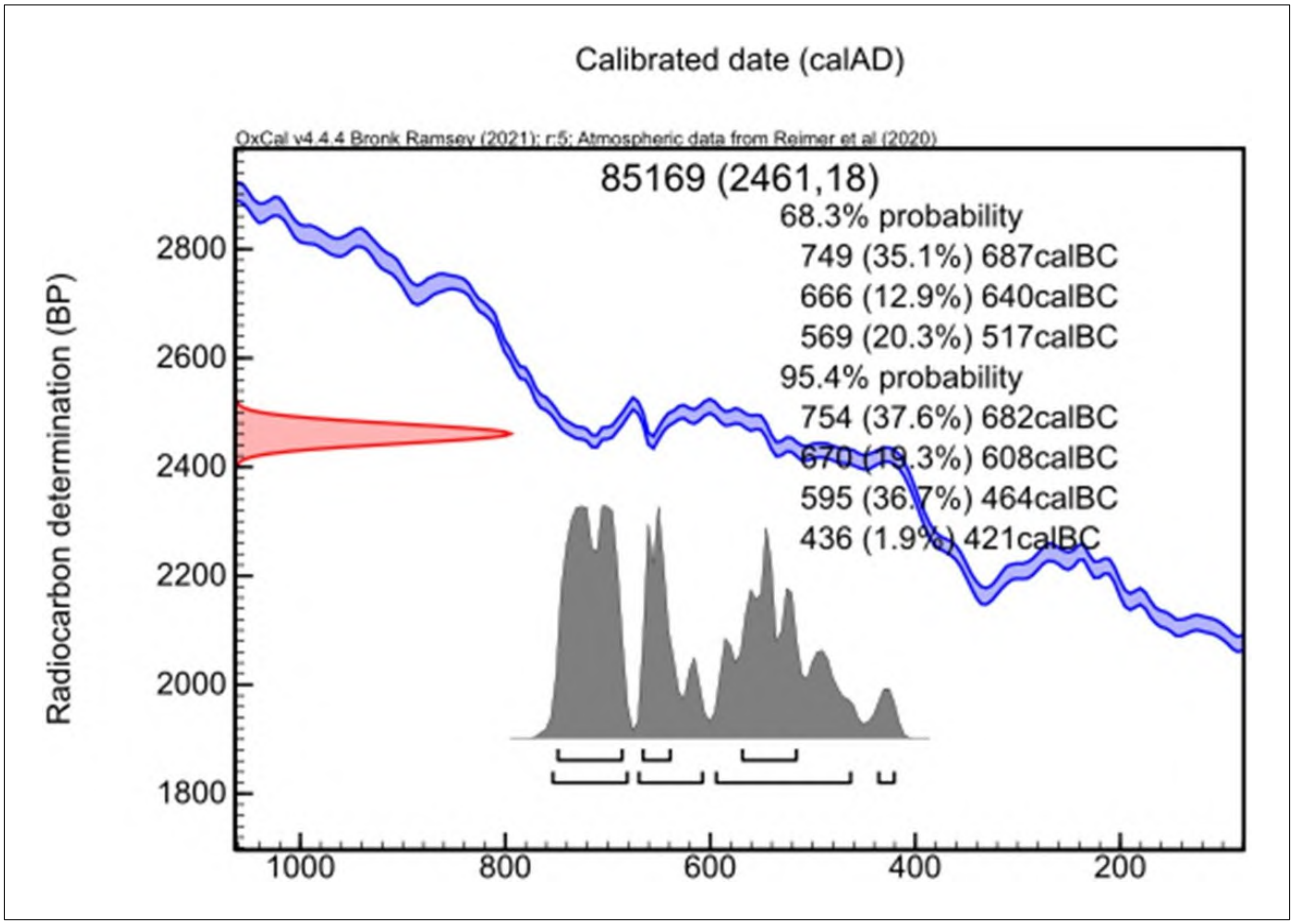

Рис. 13. Результаты радиоуглеродного датирования погребения в кургане № 1 могильника Таулытас.

Fig. 13. Radiocarbon dating results for the burial in Kurgan No. 1 at the Taulytas burial ground.

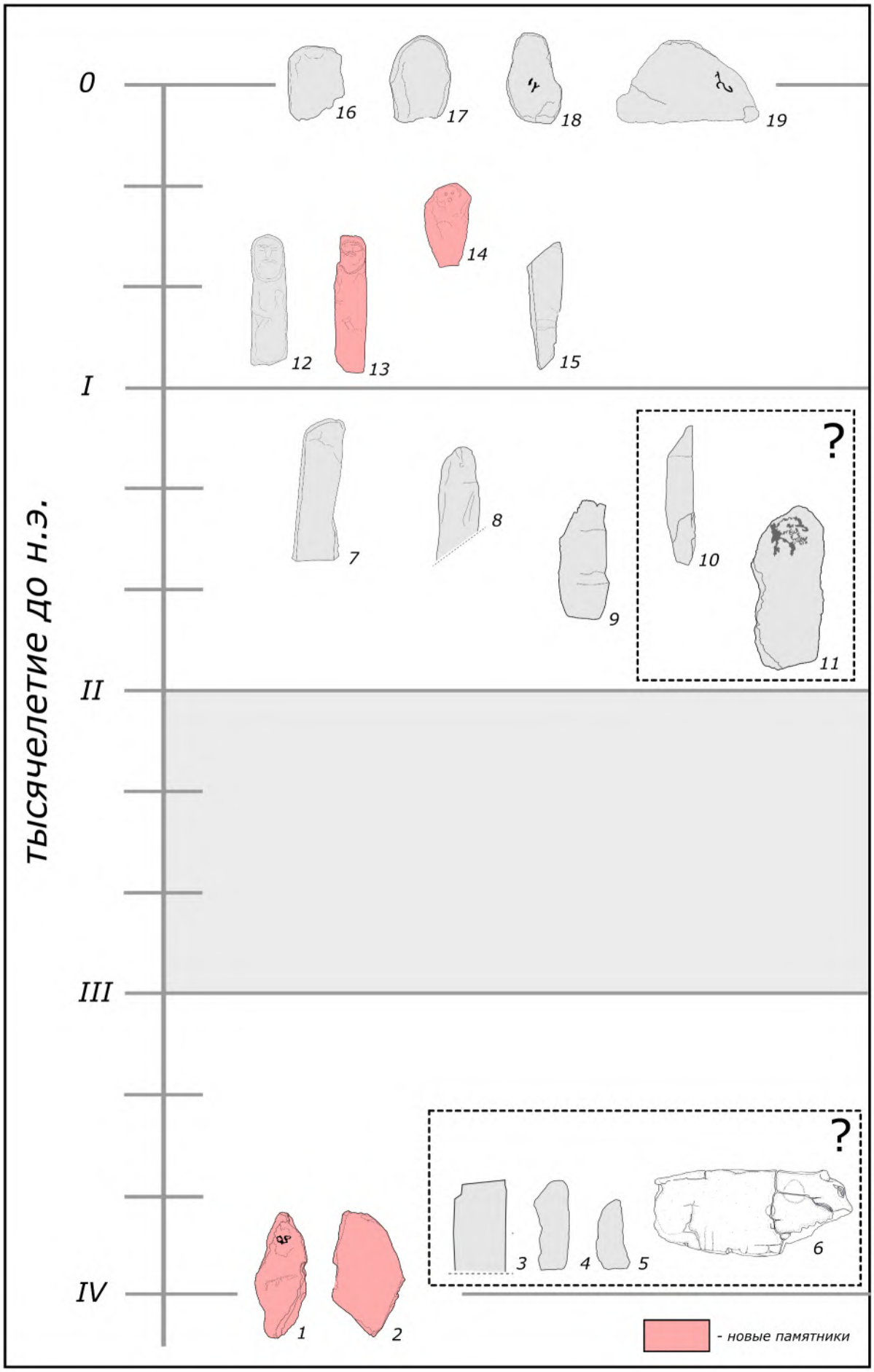

тысячелетие до н.э.
0
I
II
III
IV
16
17
18
19
14
12
13
15
7
8
9
?
10
11
?
3
4
5
6
1
2
- новые памятники

Рис. 14. Хронологическая таблица статуарных памятников Кокшетауской возвышенности (изваяния и стелы даны без масштаба)*: *1—3, 10* — Тажегул; *4—6* — Таскамал; *7* — Кеноткель XXIX; *8, 9* — Кызылтобе; *11* — Кабаний ключ; *12* — Степногорск; *13* — Булак; *14* — Таулытас; *15* — Улькенсор; *16—18* — Айдарлы; *19* — Карагайлы (*Стелы из Тажегула, опубликованные ранее (по Ярыгин, Сакенов 2024), выделены в таблице в рамку и знаком вопроса, поскольку происходят не из закрытых комплексов. Предварительно они отнесены ко II тыс. до н.э. Могильник Тажегул является разновременным: объекты, публикуемые в настоящей статье, происходят из погребальной камеры и ограды, датируемых ранним бронзовым веком).

Fig. 14. Chronological chart of the statuary monuments of the Kokshetau Upland (stone statues and stelae are not to scale)*: *1—3, 10* — Tazhegul; *4—6* — Taskamal; 7 — Kenotkel XXIX; *8, 9* — Kyzyltobe; *11* — Kabaniy Klyuch; *12* — Stepnogorsk; *13* — Bulak; *14* — Taulytas; *15* — Ulkensor; *16—18* — Aidarly; *19* — Karagaily (*The stelae from Tazhegul previously published by Yarygin and Sakenov (2024) are enclosed in boxes and marked with question marks in the chart because they do not originate from closed archaeological contexts. They are tentatively dated to the 2nd millennium BCE. The Tazhegul burial ground contains features dating to different periods. The objects presented in this article originate from a burial chamber and an enclosure dating to the Early Bronze Age).